

Анни Безант

КОММЕНТАРИИ К БХАГАВАД-ГИТЕ

четыре лекции, прочитанные в Адьяре в 1905 г.

Перевод Е. Писаревой

Лекция I ВЕЛИКОЕ РАСКРЫТИЕ

Бхагавад-Гита кажется нам сложной и непонятной, и это естественно. Ибо она написана не человеческой мудростью, а Божественным Учителем, который учит иначе, чем учит человек. Природа, являющаяся внешним отражением Бога, учит нас такими поучениями, которые облечены в легко понятные слова. И мы видим, что вначале Арджуна в горьком смятении обращается к Божественному Учителю с тревожной и страстной мольбой: "С сердцем, пронзённым тоской, с помутившимся разумом, я больше не вижу свою дхарму. Молю тебя: скажи определённо, что лучше? Я, твой ученик, умоляющий тебя, научи меня!" (II,7). За этим тревожным вопросом следует длинное объяснение Кришны, после которого Арджуна вновь восклицает: "Непонятной речью ты смущаешь мой ум. Поведай с уверенностью, каким образом могу я достигнуть блаженства!" (III,2). Снова начинает свои объяснения Божественный Учитель, и снова после двух пространных бесед тот же страстный возглас: "Отречение от действия ты восхваляешь, о Кришна, а также и Йогу! Что же из этих двух следует предпочесть? Скажи мне об этом окончательно!" (V,1). Значит ли это, что речь Учителя не даёт света? Нет, это значит, что ум ученика невосприимчив, тёмн, не способен отразить те потоки света, которые льются на него из Божественной речи. В этом заключается первый великий урок Бхагавад-Гиты. Урок этот в том, что ученик должен создать себя. Человеческое учение поучает внешним вещам, но из Божественной Мудрости нельзя познать даже единой буквы, если она не сделается содержанием нашей жизни, если дух не проникнется ею. Чтобы понять Бхагавад-Гиту, нужно сделать её содержанием своей жизни, и тогда постепенно раскроется её глубокий смысл для внимающего сердца. Читать её нужно так, чтобы все окружающие могли прочесть её и в самой жизни ученика и узнать, что в его жизни воплотилась вот эта или вот та часть Гиты. Только такое чтение приносит плоды.

В Бхагавад-Гите заключены два различных, и тем не менее, тесно связанных смысла, которые следует различать. Сперва — исторический. Для западного ума все древние предания с их необъятными периодами, с их необыкновенными царями, с величественными битвами кажутся аллегорией, а не историей. Но что такое история и что аллегория. История есть осуществление плана Логоса для эволюции человечества, и точно так же история — процесс эволюции Мирового Логоса, который будет господствовать над новой мировой системой, которая возникнет в грядущем. Это и есть история: повесть эволюционирующего Логоса в осуществлении плана господствующего, правящего Логоса.

Аллегорией можно назвать меньшую повесть, которая представляет собою отражение большей, повесть каждого индивидуального воплощённого Духа. Внутреннее значение, аллегорическое, близкое для каждого человеческого сердца — это повторение того же смысла в маленьком виде, в каждой индивидуальности. В первой — Бог живёт в своём мире с грядущим Логосом, облекаясь в этот мир, как в своё тело. Во второй — он живёт в индивидуальном человеке, имея своим телом его Монаду (Дживатма) с её проводниками. Но и в той, и в другой повести — одна и та же Жизнь и один и то же Господь, и понимая одну, поймёшь и другую.

Никто, кроме мудрого, не в состоянии прочитать страницы истории зрячими глазами. Никто, кроме мудрого, не в состоянии проследить в своём собственном развитии могучее развитие мировой системы, в которой будущий Логос является Монадой (Дживатма), а правящий Логос — Высшим Я. И поскольку малое является отражением великого, поскольку повесть развивающейся индивидуальности есть слабая копия эволюции грядущего Логоса, почему во всех Писаниях и скрывается всегда этот двойной смысл — развитие Единого Я и раскрытие индивидуальных Я.

И если и в том, и в другом развитии встречаются черты сходства, то не следует забывать, что не великое руководствуется малым, а малое есть слабое отражение великого. Таким образом, в Бхагавад-Гите мы имеем великое раскрытие, поднятие покрывала, которое даёт проникновение в смысл и цель человеческой истории, развёртывает перед глазами, способными видеть, панораму великих событий, совершавшихся то в одной, то в другой человеческой расе. Кто способен таким образом читать Бхагавад-Гиту в человеческой истории, тот сможет устоять непоколебимо на обломках разбивающихся миров. Наряду с таким чтением можно читать в Бхагавад-Гите и аллегория нашего собственного Духа, раскрывающегося внутри нас самих. В первом смысле Бхагавад-Гита раскрывает нам смысл настоящей Индии и Индии будущего, а во втором — её учение выражено в "Махабхарате" в таких словах: "Я есмь учитель, а ум есть мой ученик". Следовательно, Шри Кришна является в этом втором смысле Учителем, а Арджуна — умом, низшим манасом, обучающимся у Учителя.

Проникая в первый, исторический смысл, мы увидим, что появление Аватара есть появление Логоса мировой системы в физической форме в момент какого-нибудь великого кризиса в эволюции. Аватар — в данном случае Шри Кришна — появляется, скрываясь под человеческой формой, чтобы иметь возможность дать новое направление человеческой истории с такой могучей властью, на которую не способна меньшая сила. Но Аватар есть также Логос и человеческого Духа, его Высшее Я, относительно которого каждый индивидуальный дух есть лишь его частица (амша). Таким образом, Аватар одновременно и Господь нашего мира, и Господь нашего человеческого духа, и если мы смотрим на него под этими двумя видами, истина начинает светить нам и мы начинаем понимать.

Если взять историческую драму, которая имеется в виду в Бхагавад-Гите, то мы увидим Индию, проходящую через долгий период величия и процветания. Шри Рама Чандра правит её землями, как образец божественного царя-правителя, дающего определённую форму юной цивилизации. Позднее наступают иные

времена, когда Правители ослабели и начали возникать различные распри и столкновения. Великая каста кшатриев была уничтожена почти до основания Аватаром Парашуром. Но затем она расцвела сильнее прежнего. В эту эпоху истории Индии первый отпрыск великой арийской расы основался в её северной части. Этот отпрыск послужил образцом для господствующей нации. Великая религия, обнимавшая вершины и глубины человеческой мысли, способная наставлять и земледельца в поле, и философа в тиши его уединения, — такая всеобъемлющая религия была провозглашена Риши, святыми этого первого отпрыска арийской расы. И не только религия, но и образ правления, и экономический, и общественный порядок были созданы мудростью Ману и проведены в жизнь вначале самим Ману. Но и этого мало: с необыкновенной мудростью была распределена и отдельная жизнь индивидуумов, она была разделена на различные ступени, через которые жизнь человека проходила между рождением и смертью, и ступени эти были со своей стороны воспроизведены в системе каст. Так глубоко была продумана эта младенческая цивилизация, данная всей расе как образец того, что должно явиться там, где правит Мудрость и где вдохновляет Любовь.

Основная нота этого порядка была Дхарма, Долг, праведный Порядок. Постепенно, как все преходящие вещи, образец этот портился, становился всё слабее и слабее. Так бывает всегда, когда задача исполнена.

Затем настала иная задача для Индии, ещё более великая и божественная. Сослужив свою службу как образец благоустроенности и сознания долга, она должна была в далёком будущем, которое было ясно видно для божественных очей Шри Кришны, сослужить иную службу, и эта служба — спасение мира, в этом — ключ ко всем последующим событиям. Ни одна нация не может подняться до такого высокого назначения, как перейдя через долину смерти и скорби, и испив до последних капель горькую чашу унижения. С этой целью и пришёл Шри Кришна, чтобы сделать это возможным, чтобы сделать это неизбежным... Только благие руки Аватара могли направить индусский народ на этот путь, путь унижения и страдания. Менее любящие и мудрые руки не могли бы сделать этого. И если внимательно всмотреться в историю жизни Шри Кришны, мы увидим, что всё дело этой жизни, в которую он влагает свою несравненную силу, направляется его далеко видящей, неуклонной и неизменной волей. Его воля в том, чтобы создать из этой страны, из этого народа Спасителя мира.

Как же идёт это создание?

Прежде всего через унижение, а какая страна прошла через глубину такого унижения, как Индия? Кто взглянет назад на неё, на величие её прошлого, когда она неограниченно царила над миром в своём тройном венце духовного познания, интеллектуальной силы и безграничного процветания, и кто взглянет на неё теперь, развенчанную и выплакавшую все свои слёзы... И всё же строителем её судьбы был не кто иной, как Господь Любви, который на поле Курукшетра сделал эту судьбу неизбежной. Он разбил вдребезги оплот древней Индии, касту кшатриев, направив их мечи на собственную погибель. Он выражает свою миссию так: "Я — время, что несёт отчаяние в мир; что истребляет всех людей, являя свой закон на их земле. Никто из воинов, которые, готовясь к битве, строились в ряды,

не ускользнёт от смерти. Ты один не перестанешь жить" (XI, 32). Час пробил на поле Курукшетра: борьба за преобладание кончилась разрушением двух царств, и это было часом рождения современной Индии. Сила её была сломлена, и сделались возможными вторжения народов. Появился Александр Македонский. Он пронёсся по ссеверной Индии, и армии его вернулись в Грецию, обогащённые восточной мыслью. А затем, волна за волной, монголы, тюрки и другие народы, исповедующие ислам, пронесли над ней, и кончилось тем, что на троне Юдиштиры воссел монгольский властитель. А ещё позднее представители европейских наций, одни за другими, домогались власти над Индией. Все её оплоты пали. Настало время её крестного страдания. И это страдание длилось несколько веков. Но это страдание и это унижение, это распятие народа — лишь одна часть повести Спасителя мира. После распятия следует воскресение так же неизбежно, как день следует за ночью. И если посмотреть на всё совершившееся зрячими глазами, не замутившимися состраданием, мы увидим, что каждая волна иноплемённого нашествия в действительности не уничтожала Индию, а взяв от неё сокровища её духа и оплодотворив им свою страну, она также оставляла в Индии новые представления, свежие идеи и этим обогащала и душу самой Индии. Любовь и Мудрость Аватара, направляющая события мира, превращает кажущееся зло в непрекращающееся благо. Эта Любовь и Мудрость ведёт избранный народ через долину страдания и горького уничтожения для того, чтобы очищенный страданием и обогащённый опытом, он мог восстать, сильный и светлый, в день Воскресения, дабы разносить свет по всему миру, а не светить только одному себе.

Таков был смысл появления Шри Кришны, и такова была Его миссия. Изучая его историю, мы выносим ещё один урок. Мы знаем, что Господь Любви и Мудрости, хотя и знал, что война и гибель для воинов неизбежны, хотя он провидел всё будущее и судил нее человеческим судом, видящим только ближайшие последствия, он всё же сделал всё возможное, чтобы люди избежали войны и праведными средствами поддержали порядок своей жизни. Он делал это, чтобы исполнен был долг, зная, что все усилия, направленные к хорошей цели, никогда не бывают потерянны, что правильные действия должны быть совершаемы постоянно, хотя бы их ожидала неизбежная неудача. Эти усилия Шри Кришны хотя и разбились о самодовольство Дурьёдханы, они не погибли, а пошли — как часть — в ту добрую силу, которая со временем вызовет вселенский мир, когда уроки от войны уже не понадобятся больше и белые крылья мира развернутся над успокоенной землёй.

Теперь перейдём к самому повествованию. Когда заря занялась над полем битвы, и Арджуна занял место на своей боевой колеснице, запряжённой белыми конями, рядом с Божественным Возничим, он почувствовал, как сердце его сжалось. Он увидел друзей и родственников по обе стороны, более того, своих собственных учителей Бхиму и Дрону во главе своих врагов. Какое сердце не пришло бы в смятение при виде такого столкновения противоречивых обстоятельств?

Прежде чем начать битву на поле Курукшетра, в сердце Арджуны должна была совершиться ещё одна битва. И пока эта битва бушевала, он был в смятении, унынии и не мог разобраться в своей дхарме. Что ему делать? Неужели сохранение царского достоинства было достаточной ценой за гибель близких?

Зачем корона, когда сердце разбито? С истинным предвидением проносилось перед его внутренним взором всё страдание, которое ожидало и победителей, и побеждённых, когда в опустелом дворе он тщетно будет искать своих возлюбленных близких, товарищей своего счастливого детства. Эта тень грядущего спустилась тяжёлым гнётом на его любящее сердце. "О Мадхусудана, как я направлю стрелы на Бхиму и Дрону, на тех, которые достойны глубокого почитания? Воистину, лучше питаться подаянием, как нищий, чем убивать этих великих гуру. Убив их, я буду есть пищу, обагрённую кровью." (II, 4,5). И все его рассуждения были правильны. Его идеи о смешении каст, о постепенном угасании дхармы, которое последует за битвой на Курукшетре, были верны. История подтвердила их, дхарма действительно пришла в упадок, и смешение каст совершилось на самом деле. Следовательно, он видел правильно, но недостаточно далеко. Непосредственное будущее он видел ясно и правильно, и слова его, с ограниченной точки зрения, были воистину "словами мудрости", но то была мудрость мира сего, мудрость непросветлённого ума. Он видел с истинным предвидением, что ожидающая его битва приведёт Индию к гибели, но он не видел той более могущественной Индии, которой предстояло появиться из неизбежных страданий и ожидающей её гибели. И не удивительно, что несмотря на всю свою относительную мудрость, Арджуна не мог проникнуть сквозь покрывало, закрывающее будущее, и не мог увидеть, какое благо должно родиться из этого временного бедствия. Но почему же в таком случае Арджуна навлёк на себя такое строгое порицание? "Откуда напало на тебя в минуту опасности это позорное, недостойное арийца отчаяние, закрывающее врата рая, о Арджуна? Не поддавайся слабости! Страхнув презренное малодушие, воспрянь, о Парантапа" (II,2,3). Почему этот строгий выговор? потому что план Логоса должен быть выполнен, чего бы это ни стоило для данного момента, теми, которые являются исполнителями воли Его. В этом плане Арджуна должен был сыграть свою роль. Но смущённый, сбитый с толку, он не в состоянии был различать этот план, который не мог изменяться, как бы не противился Арджуна, что бы он ни делал для предотвращения его. Он должен был понять, что форма может умереть, но Дух — никогда, и что когда форма совершила своё дело, следует, чтобы она разбивалась, а не сохранялась более, чем нужно по Божественному плану, что когда Дух образует для своего выражения новые формы, тогда только происходит дальнейшее раскрытие. Кто не решается разрушить форму, отслужившую свою службу, тот ещё не познал силу Жизни, которая одна созидает и будет созидать вечно и впрямь.

Тем не менее, в периоды разрушения существующих систем, отслуживших свою службу, мостом для перехода от старого порядка к новому являются люди с врождённым чувством долга (Сахаджан Дхарма), которые понимают необходимость прогресса, знают, что старые формы должны разрушаться, когда новые уже родились. Эти люди стойко выполняют дхарму старых форм, зная их обречённость, пока новые формы не утвердятся. Такие люди образуют мост, по которому не знающие закона могут безопасно пройти среди обломков разрушающейся системы в ту новую систему, которую готовит Дух, вечно обновляющий жизнь.

Таким образом, Арджуна должен был исполнить свой долг кшатрия, чего бы это не стоило ему и какой бы результат ни вышел из того.

Итак, было необходимо, чтобы Божественный план был выполнен, всё равно, хотел ли того Арджуна или нет, ибо сказано: "Господь пребывает в сердце всех существ, о Арджуна, силою своей Майи Он заставляет все существа вращаться, как на колесе гончара" (XVIII, 61). Начертание дано, изменение невозможно, ибо Мудрость не может быть направлена неведением и прозрение, видящее будущее, не может быть руководимо незрячими глазами.

Начертание не могло быть изменено ради чувств Арджуны. Время созрело и час пробил. "Я — время, которое несёт отчаяние в мир", — сказал Господь. Но если бы это даже было возможно, он не мог, имея позади себя свою дхарму, закон своего духа, повелевающий ему выполнить свой долг, не мог он отступить от той роли, которая принадлежала ему в силу его же прошлого. И это говорит ему Шри Кришна в ясных словах: "Погружённый в эгоизм, ты думаешь: не хочу я биться! Но тщетно твоё решение: природа принудит тебя, о сын Кунти, связанный твоей собственной кармой, созданной твоей же собственной природой, ты будешь беспомощно совершать то, чего ты в заблуждении своём не хочешь делать" (XVIII, 59,60). Что это означает? Что в великом кризисе судьбы народа, когда Господь поворачивает колесо истории, никакая рука не в состоянии остановить Его, что те, которые избраны для руководящей роли своей прошлой кармой, не в состоянии противиться, что кровь воинов (кшатриев), которая текла в жилах Арджуны, а также сила физической наследственности, идущая от многих поколений, которые выполняли свой долг кшатрия лицом к лицу с врагом, увлекла бы его даже против его желания, против его собственных чувств и против его собственной воли. Но если бы он начал сражаться таким образом, побуждаемый к тому собственным прошлым, это было бы губительным для него. План Ишвары был бы исполнен, колесо истории продолжало бы вращаться, но для самого Арджуны, погружённого в эгоистическое чувство данной минуты, это не принесло бы ничего доброго. "Думая обо мне, мы моею благостью преодолеешь все препятствия, но если ты из себялюбия не захочешь слушать, ты погибнешь всецело" (XVIII, 58).

Предначертания Бога и содействие человека выражены здесь в нескольких словах. Великий план не может быть изменён. Вам даётся возможность содействовать ему. Если же вы, побуждаемые своим прошлым к содействию, сопротивляетесь в настоящем, считая себя действующим лицом вместо того, чтобы отдаться в руки великого Архитектора, и говорите: "Я не хочу биться. Я не хочу исполнять свой долг. Я не хочу совершать своей задачи", вы этим готовите себе дурное будущее. ибо вы выбираете неверность своему долгу, а внутренний выбор определяет будущее, как выбор в прошлом определяет настоящее. План будет исполнен, но эгоизм, в котором вы пребывали, отзовётся гибелью, хотя бы вы и были вынуждены внешним образом подчиняться предначертанному плану.

Так познал Арджуна "Великое Раскрытие", и всё его отношение к внешнему миру изменилось. Он понял отныне, что означает История. Он понял неизменность божественного плана и какую роль играют в нём индивидуальности, которые оказались достойными содействовать могучему Предначертанию. Он узнал, что Шри Кришна являет собой то, что мы называем "время", — Время, сметающее

народы. "И потому сражайся". Ибо пришло время для блага всего человечества, чтобы эти мешающие элементы были сметены, и "поэтому сражайся". "Моей волей они уже поражены (XI, 33), ты дай лишь внешний вид, т. е. будь орудием, будь мечом. Слова Кришны означают: "Они уже поражены, и поражение означает для них освобождение. Они сейчас являются препятствием, помехой. Смерть есть их друг, их освобождение, а не враг их. Умирая, они придут ко мне, своему живому Господу, они все спешно устремились в отверстые уста мои". (XI, 27), и их тела погибают для того, чтобы одушевляющая их жизнь могла вырастать. "Зная, что я — Время, зная, что план верен и цель несомненна, ты должен сражаться". Арджуна понял. Послушайте, что он говорит: Разрушено моё заблуждение. Через твою благодать, о Неизменный, я достиг познания. Я твёрд. Мои сомнения унеслись от меня. Я поступлю по твоему слову." (XVIII, 73). Он понял, что означает история. Он постиг значение плана и значение действующего лица. Он узнал, что если он и сражается, то только как орудие Всемудрого и Всеблагого. Он перестал думать о друзьях и врагах, о личных привязанностях. В чудесах этого великого раскрытия он постиг, что всё направляется господом, который делает всё к лучшему, избирая всегда кратчайшую дорогу. Постигнув это, он радостно бросается к его ногам: "Унеслись мои сомнения, я буду сражаться!".

То же происходит и в истории человечества. И если мы в состоянии постигнуть Дух великого раскрытия, действующий за покрывалом, и значение маленьких жизней, действующих по эту сторону покрывала, смысл их содействия и их взаимных отношений, тогда мы будем в каждой борьбе стоять на надлежащем месте и сражаться без сомнения, без иллюзии и без страха. Истинный Воин, Тот, который действительно сражается, не может ошибиться. Мы же — только клетки в его теле, и наши воли должны действовать в гармонии с его волей. Уничтожение иллюзий нужно для того, чтобы наша деятельность не парализовывалась сомнением, этим роковым врагом всякой деятельности. Сомнение подтачивает мужество — оно опустошает душу.

Необходимое в своё время как ступень знания, оно разрушает здоровую связь между жизнью и действием, если длится более чем нужно и делается постоянным свойством человека.

"Сомневающийся идёт к гибели. Для сомневающегося нет ни этого, ни иного мира, ни счастья" (IV, 40). Поэтому "сражайся!" — вот постоянный припев. поймите его, чтобы правильно действовать.

Перед нами раскрытие исторического процесса. Примените его к борьбе, происходящей в данное время между нациями, взгляните сквозь покрывало в реальный смысл этой борьбы, и вы всюду увидите великого Аватара, направляющего все события и действующего с заранее намеченной целью.

Мы разобрали исторический урок. Каков же другой урок, урок аллегорический?

Очевидно, столкновение между низшим манасом, раскрывающимся умом, символизируемым Арджуной, и камой, страстной природой, символизируемой родственниками, предводительствуемыми Дурьёдханой, которые воплощают в себе все нити и связи прошлого. Арджуна является здесь низшим разумом,

непросветлённым, сомневающимся, вопрошающим, переходящим из стороны в сторону, неуверенным в себе, всегда ставящим вопросы, а получая ответы — не понимающим их, никогда не разбирающим, что является в действительности самым лучшим. Мы имеем здесь тип непросветлённого манаса, и именно к нему обращался Учитель, когда говорил: "Для сомневающегося нет ни этого, ни иного мира, ни счастья". Человек, вечно сомневающийся и не способный на решение, который, решив одно, немедленно начинает перебирать всё, идущее против его же решения, и начинает сызнова, такой человек не сделает успеха. Это — преувеличение осторожности, которое в таких размерах превращается из качества в порок. Лучшей действовать и сделать ошибку и таким путём научиться, как поступать лучше, чем вечно сомневаться и совсем не действовать. Ибо только опыт может научить нас. Нерешительность сквозит во всех аргументах Арджуны. Требование решительности звучит в словах Учителя. Ступени, по которым проходит Арджуна, мы можем проследить в своём личном опыте.

В юности своей Арджуна живёт при дворе, подчиняется старшим, что было вполне правильно, так как только благодаря подобному подчинению ум преодолевает свою инерцию и таким преодолением развивает свои силы. В ранние дни эволюции так и бывает со всем человечеством. Под опекой старших и следуя без колебаний импульсам, возникающим из естественных влечений, ум следует по своему течению без колебаний и сомнений, и здесь нет никакой борьбы. Затем следует период борьбы, принадлежащей переходной ступени, когда человек начинает различать, что удовлетворение страстей (Кама) приносит не только радости, но и страдание, что разочарование и пресыщение идут по пятам за удовлетворёнными желаниями, и тогда возникает жажда понять: отчего? Тогда настанет время борьбы, время раздоров, страдания и сомнения. Ум смущён, он не видит своей дхармы, не знает, по какому направлению идти. Ум вызывает к Учителю за помощью, но ответ только смущает, ибо манас ещё не в состоянии видеть правду и его сбивает с толку всё, к чему ещё чувствует влечение его сердце. Правда кажется сухой, жестокой, отталкивающей, согласоваться с ней — равносильно уничтожению всех радостей жизни, более того — уничтожению самой жизни.

Затем наступает видение Всевышнего, который один может погасить вкус к радостям, доставляемым внешними объектами. только когда высшая, более полная жизнь затопляет низшую жизнь, вся привлекательность последней исчезает (II, 59). Только тогда манас восстанет торжествующий, просветлённый светом Высшего Я, ясный, пронизательный, иллюзия разрушается, воин становится победителем над своими врагами, он — Парантапа.

Это и есть путь души кшатрия, по этому пути надлежит идти душе воина. Друзья по обеим сторонам поля битвы, ибо когда на Курукшетре души возникает битва, которая должна принести и конечную победу, просветление и единение с Всевышним, никогда не бывает, чтобы все друзья, возникающие из связей прошлого, находились на одной стороне; они и на дружественной, и на вражеской стороне, сражающиеся одни против других. И тогда возникают противоречивые требования, противоречащие обязанности всякого рода. Недостаточно ещё пожелать действовать по правде; нетрудно действовать, когда знаешь, куда идти. Но трудно различать дорогу, когда стоишь среди взметаемого праха битвы и среди

облаков не видишь истинного направления пути долга. Друзья по обеим сторонам: как отречься от них? И не только друзья, и учителя, Гуру, те, к кому в прошлом душа воина обращалась за помощью, за руководством — Бхима и Дрона, являющие собой тип руководителей и учителей. Старшие против него, друзья и родственники тоже, и младшие также критикуют, осуждают и презирают по неведению.

Душа воина должна остаться одинокой, как Арджуна стоял в пустом пространстве между войсками. Одинокий и всё же не один, ибо Учитель, Божественный Возничий, был рядом с ним, Высшее Я, ожидающее признания. В битву он должен ринуться один: своей сильной рукой, своей собственной непоколебимой волей, своим собственным несдающимся мужеством он довести сражение до самого конца, как бы горек ни был этот конец. Он должен почувствовать себя одиноким до последнего предела одиночества. И в этом одиночестве, в этой страшной покинутости он должен найти своё Высшее Я. И именно там, в пылу сражения, когда он так одинок, когда всё соединилось против него, свет Высшего Я начинает светить над ним, и тогда он познаёт воистину, что он не один.

Несмотря на раны, из которых течёт кровь, несмотря на измятые латы, на загрязнённые одежды и сломанное оружие — душа воина осталась непоколебимой до конца, хотя и не знала, что щит Учителя был всё время распростёрт над ней в минуты величайшей опасности, хотя не знала, что когда в неё был брошен метательный снаряд, грозивший неминуемой гибелью, Учитель направил его на свою собственную грудь, и тогда смертельное оружие превратилось в гирлянду цветов на шее Божественного Возничего. Он ничего не знал о невидимом щите, который отводил от него потоки огня, выдержать которые мог только господь. Он не знал и не мечтал, что Высочайший Воин, скрытый в Возничем, охраняет его, ибо знай он это во время борьбы, как мог бы он научиться доверять Высшему Я внутри себя? Я, действующее вне, должно исчезнуть прежде, чем явится сознание того "Я", которое действует внутри.

В этом состоит опыт каждой борющейся души. Через этот опыт должен пройти каждый, вступающий на путь, который ведёт к Богу. Только в этом высочайшем одиночестве отчаяния возможно для Арджуны найти своё Высшее Я. И потому не бойтесь все вы, желающие быть воинами, если друзья порицают и покидают вас. Не бойтесь даже тогда, когда старшие осуждают вас, когда младшие презирают, когда равные глумятся над вами. Идите прямо непоколебимо, ибо Высшее Я внутри вас. Вы можете сделать много ошибок, ибо Высшее Я воплощено, а ошибки — принадлежность воплощённого. Помните только, что они от формы, но не от заключённого в ней Духа, и что благодаря страданию, которое следует за этими ошибками, всё грубое сжигается, а Высшее Я выявляется всё яснее.

Продолжайте бороться и сражаться с неустрашимым сердцем, и тогда, в конце вашего сражения на Курукшетре, для вас также займётся заря Единого Я во всём его величии, и для вас также будут разрушены все иллюзии, и вы увидите вашего Господа в его истинном виде.

Лекция II ЙОГА ШАСТРА

В этой лекции будет изложена природа Гиты в её сущности, как Йога Шастра, как Св. Писание Йоги. В нём возбуждается вопрос о деятельности, какова природа деятельности, какова её связующая сила и как можно избавиться от её цепей посредством Йоги. Это поведёт нас к рассмотрению значения йоги и к тому, как следует понимать йогу, а позднее мы постараемся определить, какие средства для достижения Йоги возможны для нас. Прежде всего, мы должны ясно знать, что Бхагавад-Гита в своей сущности есть то, что называется на востоке Йога-Шастра (Религиозная система или философия Йоги). Это Св. Писание Йоги дано самим Господом Йоги.

Говорящий есть Йогишвара, Господь Йоги, и мы читаем в конце книги, когда всё уже было сказано, как тот, к которому была обращена речь, говорит: "Милостью Вьясы, я услышал эту тайную и высочайшую Йогу из уст господи Йоги, самого Кришны, говорившего перед моими очами" (XVIII, 75). Таким образом, мы имеем здесь учение йоги, переданное самим Йогишварой. "Как мне познать тебя, о Йог?" (X, 17) — вот крик Арджуны. Он думает о нём, как о Йоге, и в ответ на этот вопрос раскрывается перед ним Божественная Форма — факт величайшего значения для проникновения в истинный смысл Йоги, как мы это узнаем позднее. И далее мы увидим, что Арджуна снова возобновляет свою просьбу: "Подробно поведай мне о твоей Йоге" (X, 18). Вот чего Арджуна ищет, чтобы покончить со своими колебаниями и иллюзиями. "Кто знает по существу это моё превосходство и Йогу мою, тот будет приведён к гармонии устойчивой Йогой. В этом не должно быть никакого сомнения" (X, 7). Таким образом, все мольбы ученика к Господу Йоги сводятся к желанию понять внутреннее значение Йоги. В этом и кроется истинная суть Гиты.

Но каким образом сочетается это учение Йоги с тем, что рассказывается в самом начале Гиты? Ибо вы должны помнить, что говорящий и ученик стоят в середине между двумя армиями, которые готовятся вступить в бой. Как раз когда "выстроившиеся в бой сыны Дхртираштры были готовы к сражению" (I, 20), сердцем героического Арджуны овладело великое отчаяние. Целью всего, что говорится и что делается в Бхагавад-Гите, является один и тот же мотив: придать Арджуне мужество и решимость, вовлечь его в действие, принудить его, если нужно, к сражению, и все аргументы постоянно сопровождаются одним и тем же припевом: "и потому сражайся!". Всё равно, о чём бы ни шла речь, о природе ли Дживатмы, нерождённой, неумирающей, неизменной и постоянной, или же о значении Единства и Многообразия, о строении миров, о значении единой Жизни, проникающей всё сущее, — в конце всех философских разъяснений опять звучит всё тот же припев: "И потому постоянно думай обо мне одном и — сражайся!" (VI, 7). Или когда речь идёт о благоговейной преданности, и ученику указывается на необходимость делать всё во имя Господа, и всё же, "устремив свои мысли на Высочайшее Я... сражайся, Арджуна!" (III, 30). И когда видение Божественной Формы раскрывается перед Арджуну, мы слышим то же самое: "Бейся же без страха, Арджуна, рази!" (XI, 34).

И под самый конец, когда Кришна говорит: "Погрузи свой ум в меня, будь предан мне, жертвуй мне", всё та же прежняя мысль звучит в вопросе: "Уничтожено ли твоё неведением рождённое заблуждение?" (XVIII, 65, 72), и результатом всего

этого является решимость Арджуны сражаться: "Я поступлю по слову твоему", — говорит он и бросается в битву.

С первого взгляда всё это кажется очень странным и очень неожиданным. Ожидается учение йоги, предполагается воспитание истинного йога, а между тем, при каждом новом рассуждении, при каждой смене аргументов звучит всё тот же припев: "И потому сражайся", "Восстань и будь готов к битве!" (II, 37). Вот что приказывает Господь Йоги. Всюду в этом Писании Йоги мы видим сильное настояние действовать, слышим воззвание к битве; в битве же заключается самая квинтэссенция деятельности, её порыв, её натиск, её устремление. И в самом деле, какая деятельность может быть деятельнее сражения героев на поле битвы? И всё же как раз здесь, на поле битвы должна быть усвоена йога. Как раз здесь появляется Йогишвара во всей полноте своей силы и своего великолепия. Не удивительно, что всё это кажется странным для современного ума, даже в Индии. Ибо в современной Индии усиленная деятельность и практика йоги кажутся несовместными. Мне приходилось слышать даже от индусов, что человек не может быть йогом, если он не живёт отдельно от всех людей в пещерах, или джунглях, или в пустыне, где-нибудь в уединении в высоких Гималаях, под священным небом Индии. Я слышала от них такое мнение, что никто не может стать йогом среди деятельной жизни, среди труда и старания помогать во всём добром, что происходит в мире; слышала, что йога означает уединение, безмолвие, бездеятельность. Таковы мысли многих современных индусов, и нужно отметить тот факт, что в течение человеческой эволюции между деятельностью, возникающей благодаря стремлению к предметам мирским, и той благородной, неустанной деятельностью, которая возникает единственно из стремления содействовать воле Бога, существует промежуточная ступень, когда деятельность кажется ненавистной, как принадлежащая миру сему, и когда высший урок "действие в бездействии" ещё не усвоен учеником.

Но сам Господь Йоги видит йогу в совершенно другом свете: "Кто деятельно исполняет свой долг, не рассчитывая на плоды своей деятельности, тот есть йог" (VI, 1). Он идёт даже ещё дальше и объявляет: "Йога есть искусство в действиях" (II, 50). Таким образом, в мыслях Господа Йоги, йога соединяется с чем-то совершенно отличным от современной идеи, по которой необходимо уединяться от людей, прятаться в пещерах, джунглях, удаляться от населённых мест.

И это уединение имеет своё место и свой смысл в человеческой эволюции. Это — ступень в развитии человеческой души. Но Йога, как поучает Господь Йоги, Верховная Йога есть нечто совершенно другое. Отдаваясь ей, человек пребывает в мире действительности. Творец мира сего есть воплощение Крийи, деятельности. Брахма, Бог, представляет собою деятельность и в сущности вся цель существования в физическом мире есть ни что иное, как развитие праведной деятельности, направленной праведной мыслью и праведным желанием. Мир полон желательными предметами, его наполним сам Бог (Ишвара) предметами, которые вызывают желание; сам Господь скрыт внутри всех вещей, и это придаёт им их привлекательность, их притягательную силу. Мы сейчас увидим, что нет ничего во всём мире, в чём бы не заключался Творец этого мира. Он скрывает себя во всех вещах посредством Майи, и благодаря этому он вызывает желание в тех частицах, в тех искрах себя самого, которые он поместил здесь (на земле), чтобы

они вырастали из Божественного семени в полноту Божественного Господа. Желание пробуждается, вызывается и усиливается наличием всех этих предметов желания. И если бы желание не играло роли в человеческой эволюции, тогда люди должны бы были существовать в мире, который представлял бы из себя пустыню, где не было бы предметов для привлечения, не было бы ничего притягательного. Но присутствие этих приносящих удовольствие предметов, а также наличие предметов, приносящих страдание, не только привлекает или отвращает нас, но и вызывает в нас мысль, ибо между нами и предметами нашего желания становится затруднение и внутри Дживатмы пробуждается мысль, как бы перешагнуть через это затруднение или избежать его. И по мере того, как мы следим за течением человеческой эволюции, мы убеждаемся, что мысль вызывается желанием и что все энергичные деятельности, которыми отличаются мирские люди вокруг нас, являются мыследеятельностями, вызванными желаниями, возникшими и приведёнными в исполнение только благодаря желанию. Если допустить, что Бог не делал ошибок, устраивая свою Вселенную, — а мы в своей мудрости нередко воображаем, что устроили бы её лучше, будь мы на месте Творца, — должно же быть какое-нибудь значение в существовании всех этих предметов, вызывающих желание, какое-нибудь значение в тех затруднениях при добывании их, которые делают напряжение мысли неизбежным.

Желание и мысль составляют мотив и руководящую силу деятельности, а деятельность является как естественное неизбежное последствие желания и мысли. На этом мы должны остановиться. Но чтобы понять вест размер заключённого в этом рассуждении смысла, мы должны продумать его шаг за шагом, подробность за подробностью, пока не познаем мир таким, каким Господь задумал его, а не таким, каким по представлению человека он должен бы быть. Думая так, мы начинаем понимать, что всё создано и устроено для того, чтобы вызвать деятельность, ибо он говорит нам: "Деятельность выше бездействия" (III, 8). Вот почему каждый человек вызывается, поощряется, подстрекается и заманивается к деятельности, и мы должны держать это твёрдо в уме, чтобы смысл Гиты не ускользал от нас.

Почему Шри Кришна придаёт такое значение деятельности? Причина обнаруживается очень ясно, когда мы обращаемся к третьей беседе, именуемой "Йога Действия". Всё зависит от действия: "От пищи созидаются твари. От дождя происходит пища. Дождь возникает от жертвы. Жертва рождается от действия. Знай, что от Брахмы происходит действие." (III, 14,15). Здесь мы видим целую цепь жизни: твари от пищи, пища от дождя, дождь от жертвы, жертва от действия, действие от Бога — вся жизнь мира, вся манвантара в противоположность пралайе, всё, что зависит от деятельности, рождается от действия.

Таким образом, действие не есть нечто недостойное уважения, как склонны думать современные индусы. И весьма возможно, что мы будем правы, если отнесём упадок Индии к тому времени, когда народ начал утрачивать истинное соотношение между действием и бездействием и стал смотреть на деятельность, как на помеху для духовной жизни, а не как на путь к таковой. Ибо не сказано ли, что "Для мудреца, стремящегося к Йоге, действие является средством" (VI, 3)? Вы можете сказать: "прочтите стих до конца". Конец стиха говорит: "Для того же мудреца, когда он овладел йогой, тишина является средством." Но разве тишина

обозначает бездействие? Наоборот, несколько ранее мы читаем о достигшем тишины мудреце: "Действия в гармонии со мной, мудрый должен делать каждое действие привлекательным" (III, 26).

Таким образом, ценность действия даётся нам шаг за шагом: действие, ясная тишина, ясное действие. Причина, почему действие необходимо, даётся нам в той же самой главе. Ибо сказано: "От привязанности к действию действует немудрый. Мудрый же должен действовать без привязанности, ради блага мира". Мудрый не должен смущать невежественных людей, привязанных к действию, но как уже выше было приведено: "Действия в гармонии со мной, должен каждую деятельность делать привлекательной" (III, 25,26).

И действия самого Бога, на чём основаны они? "Нет ничего, — говорит Кришна, — в трёх мирах, о Партха, что бы я должен был совершать или чего бы я не достиг, и всё же я пребываю в действии. Ибо, если бы я не пребывал неустанно в действии, люди повсюду начали бы следовать моему примеру. Мир был бы разрушен, если бы я не совершал действий. Я стал бы причиной смешения каст и виной гибели народа." (III, 22—24).

В этом корень всякой правильной деятельности. Праведная деятельность есть гармоничное сотрудничество с Богом, с Логосом Вселенной. Это есть высочайший путь, и к нему должны быть направлены все усилия и стремления, к сотрудничеству с Божественной Волей, которая направляется совершенной Мудростью к конечному благу. Каков бы ни был долг данной минуты, в основе каждого действия должно быть это сознание. Если задачей данного времени является сражение, нужно сражаться. Если — пассивное состояние, нужно быть пассивным. Если время пришло, чтобы большое количество людей, идущих по пути уупадка, должны быть спасены тем, что физическое существование этих людей будет вычеркнуто из страниц мировой истории, чтобы Дух Жизни мог построить для себя более совершенные проводники для достижения высших целей; в таком случае уничтожение физической жизни этих людей может стоять в гармонии с Высшей Волей.

Современные люди смотрят на смерть, как на что-то печальное и ужасное. Они видят в смерти врага человеческого, но в действительности смерть имеет другой смысл, вовсе не враждебный для человека. Нет, смерть есть друг, а не враг наш. Это она открывает двери нашей тюрьмы, где Дух разбивается о препятствия, построенные нашим дурным прошлым. И смерть, столь ужасная, если смотреть с одной точки зрения, окажется вратами, ведущими в истинную жизнь, если смотреть на неё с другой точки зрения. И если человек, подобный Дурьёдхане, благородный во многих своих импульсах, безукоризненный в своей храбрости, любящий свой народ и стремящийся к его благу, когда такой человек начинает поступать дурно и противиться Божественной Воле, какого лучшего посланника может послать к нему сама любовь, как не смерть, которая, устраняя телесное ограничение, раскрывает духовное видение? Когда вы поймёте это, вы начнёте разбирать, что даже война со всеми её ужасами есть послание милосердия и освобождения для многих, падающих на поле сражения. И если Бог может выносить страдания, мы тоже должны выносить их и быть готовыми содействовать его Воле. Если Мудрость и Любовь заявляет, что сражение

необходимо для прогресса в данную минуту, тогда и сражение является сотрудничеством с Богом, и тогда звучат слова: "поэтому сражайся, Арджуна!".

Праведная деятельность есть, таким образом, урок, даваемый Бхагавад-Гитой, а праведная деятельность состоит в том, чтобы поступать в гармонии с Божественной Волей. Это единственно верное определение праведной деятельности: не во имя плода, не во имя влечения к действию, не во имя привязанности к какому-нибудь объекту или результату деятельности, но всецело в гармонии с Волей, которая действует для общего блага. "Без привязанности совершай постоянно действие, которое есть долг" (III, 19), вот что является единственно правильной деятельностью.

А теперь возникает большое затруднение для изучающего Бхагавад-Гиту. Может случиться, что Джнана, человек вполне мудрый, Бхакта, человек вполне преданный и Карма — человек, действующий правильно, — возможно, что все эти люди работают в верном направлении, что деятельности их направляются к высшему. Ибо для праведной деятельности необходимы: совершенная мудрость, совершенная преданность и совершенное равнодушие к плодам деятельности, и только мудрые и преданные деятели могут осуществлять праведную деятельность. В чём же затруднение? Затруднение в том, что человек связан деятельностью. Эта мысль, по-видимому, возникла в уме Арджуны, когда он слушал прославление деятельности. Учитель провозглашает: "Мир скован деятельностью" (III, 9). Деятельность выковывает связь между нами и теми предметами, на которые наша деятельность направлена, и связывают нас не только дурные действия, но также и хорошие. Верно, что плоды будут иные. Плодами дурной деятельности будет горе, а плодами доброй деятельности будет счастье. Но те и другие одинаково связывают нас. Каким же образом разрешить эту задачу? Мы должны быть деятельны, работать, упражняться, должны участвовать в задачах мира, должны сделать для других деятельность привлекательной, должны работать для блага человечества. И в то же время мы не перестаём опутывать себя цепями, связывающими крылья Духа, которые могли бы воспарить, если бы не эти постоянные цепи, тянущие их вниз. Может ли скрывать такой смысл учение Владыки Йоги? Нет. Господь хочет высказать не только то, что человек связан действием. Он говорит и другое: "Одним отречением человек не поднимется до совершенства (III, 4). Задача становится, по-видимому, всё более и более запутанной. Не удивительно, что Арджуна был смущён. И бездействием нельзя достигнуть свободы. Да бездействие в сущности и недоступно для человека. И это исключено: "Никто, даже на один миг, не может остаться истинно бездействующим, ибо все беспомощно влекутся к действию свойствами, от природы исходящими" (III, 5). И в другом месте: "Воистину, не может воплощённый вполне отказаться от действия" (XVIII, 2).

Что же в таком случае остаётся несчастному человеку? Ему говорят, что нужно быть деятельным. Когда же он начинает действовать, ему говорят, что действие связывает его; а когда он хочет освободиться, ему говорят, что не следует отрекаться от деятельности. Более того: "Воистину, без привязанности совершай действия, человек достигает Высочайшего" (III, 19).

Как же распутать этот клубок противоречий? Следует ли нам всегда оставаться привязанными к колесу рождений и смертей? Должны ли мы быть всегда рабами, связанными цепями, которые мы сами куём своей деятельностью? Нет. Урок идёт далее, и стих "Мир скован деятельностью" продолжается такими словами: "Если она совершается не ради жертвы" (III, 9). Теперь мы имеем луч света, сверкнувшего в темноте. Если деятельность производится как жертва, "ради жертвы", тогда она теряет связывающую силу. Но Шри Кришна говорит и ещё больше: "Но кто свободен от себялюбивых представлений, чей разум не затемнён, тот не убивает, и даже если бы он и убивал этих людей, он не связан" (XVIII, 17).

И далее ещё: "Воистину, деятельностью достиг Джанака и другие совершенства ранее других" (III, 20). Следовательно есть такая деятельность, которая не только не связывает, но даже служит к освобождению — опять мысль, совершенно негармонирующая с современными учениями; и тем не менее, она высказана с необыкновенной силой и постоянными повторениями: "Зная это и стремясь к освобождению, наши предки всё же совершали действия. Совершай же и ты действия, как их совершали предки в прошедшие времена... Тот, кто видит бездействие в действии и действие в бездействии, тот — мудрый среди людей, тот благозвучен даже когда совершает действия.

Тот, чьи начинания свободны от вожделений, чьи действия сгорели в огне Мудрости, того разумные называли Мудрецом.

Утратив привязанность к плодам деятельности, всегда довольный, не ища ни в ком опоры, он не творит кармы, даже если производит действия.

Ни на что не рассчитывая, покорив свой ум и своё Я, отказавшись от всего, совершая действия лишь телесно, он не грешит.

Довольный достигнутым, свободный от двойственности, не знающий зависти, уравновешенный в удаче и неудаче, он не связан и тогда, когда совершает действия.

Тот, кто, утратив желания, достиг гармонии, чьи мысли покоятся в мудрости, кто совершает действия как жертву, все деяния того растворяются бесследно" (IV, 15, 18—23).

Вот, следовательно, в чём тайна связывающей силы и освобождения от неё, по учению Владыки Йоги. Каким образом действовать и в то же время не связывать себя действием, как соединить деятельность и свободу, как сделать свои действия путём освобождения — вот уроки, преподаваемые Бхагавад-Гитой.

Как же достигнуть этого? Йогой. В одном этом слове заключается весь ответ. Как это сделать, как преобразить то, что имеет силу связывать, в средство освобождения, вот урок, который предстоит выучить нам. Только йогой и никакими другими средствами. Всё это кажущееся противоречие переходит в гармонию, как только мы проникаем в смысл йоги, и поэтому естественно спросить: "Что такое йога? Каким становится человек, овладевший йогой? Какими средствами достигается йога?"

Мы получаем раскрытие смысла йоги из поучения самого Господа Йоги. Оставим в стороне все представления о йоге, которые у нас были до сих пор, и послушаем внимательно самого Господа Йоги: "Созерцай в моём теле, о Гудакеша, всю Вселенную, подвижную и неподвижную, со всем, что ты жаждешь узреть. Но воистину, ты не в силах созерцать меня этими твоими глазами: божественные очи дарую тебе. Воззри на мою царственную Йогу" (XI, 7-8). Что же это значит? "Взирай, — говорит он, — на мою Йогу". В ней Арджуна увидел всю Вселенную, разделённую на множество частей, соединённых воедино в теле Бога Богов" (XI, 13). Это и есть Верховная Йога — соединение многих в Одном, всей приведённой к единству Вселенной в Божественном Теле. Это и есть Йога. В видении Божественной формы, в которой всё заключено, в этой Верховной Йоге высказывается единая освобождающая истина. Это и есть Верховное Слово (X, 1), царственная тайна, царственное ведение, мудрость, соединённая со знанием (IX, 12), йога Единого Я (XI, 47), сокровеннейшее Сердце Йоги. В этом всё заключено: множественность в едином.

И во всей Гите, стих за стихом, на этом настаивается снова и снова. Единство во всём, без всякого исключения, в так называемом добре и так называемом зле. Кто не может принять этого, тот ещё не готов для йоги, ибо "ты узришь все существа без исключения в Едином и таким образом во мне" (IV, 35). "Всё развивается от меня" (X, 8), не только доброе, прекрасное, счастливое, и гармоническое, всё развивается от меня. "Я — то, что пребывает в сердцах сущего. Я — начало, середина, а также и конец всех существ" (X, 20). Всё, ведущее к йоге, всё, что приводит человека к гармонии, имеет один только результат: "Йогой приведённое в гармонию Я видит Единое Я пребывающим во всём сущем, и всё сущее пребывает в Едином Я. Всюду оно видит одно" (VI, 29). Как странно это должно звучать для многих людей: "всюду видеть одно!"

Неужели в святом не больше Единого Я, чем в грешнике? Неужели его не больше в добром, чем в дурном человеке? Нет, это не так, отвечает само Высшее Я: "Кто видит высочайшего Господа, непогибающего в погибающем, равно пребывающего во всех существах, кто так видит, тот воистину видит. Кто действительно видит Единого Господа, одинаково пребывающего всюду, тот видит" (XIII, 27,28).

Это выражено очень сильно и очень ясно, так что недоразумение невозможно. И даже после этого, как бы боясь, что учение его покажется слишком странным и всё же будут сделаны исключения, Шри Кришна объявляет: "Знай, что и гармоничные, и деятельные, и ленивые натуры — все от меня" (VII, 12). Исключений нет.

Вы не можете исключить ленивых и сказать: "В вас нет Бога". Ибо и ленивые, по его утверждению, все — от него.

Нет ни добра, ни зла по существу в природе вещей. Всё есть часть единого. Мы превращаем вещи в хорошие или дурные по их отношению к нам самим, и делаем это по нашему неведению, по нашему неразумию и нашим страстям. Мы и находимся здесь для того, чтобы поняв, наконец, единство всех вещей, мы могли бы подняться над добром так же, как и над злом, и безраздельно пребывать в Едином.

"Жестокое учение", — говорят одни, "опасное учение", — говорят другие. Но в то же время, как для невежественного всё кажется опасным, для мудреца совсем не существует ничего опасного. Единство недоступно на низших ступенях развития. Здесь оно может быть плохо понято и ложно истолковано. На этих ступенях люди видят раздельность, а не единство. Они видят всё обособленным, а не соединённым в Едином Теле Бога. Каждый из них уверен, что он сам по себе, что он — действующее лицо, и это происходит оттого, что он погружён в эгоизм.

Что человек погружается в эгоизм, это временно необходимо, ибо только таким образом воспринимаются уроки, необходимые для проявления в нём Единого Я, того, которое пребывает в каждом, ожидая с бесконечным терпением, всё станет на свои места в его великом предназначении.

Господь Йоги не боится выявлять истину. Не колеблясь, он снова и снова объявляет для тех, которые достаточно мудры, чтобы читать и понимать: "Я пребываю в сердцах всех, и от меня исходят память и Мудрость, а также и отсутствие их" (XV, 15).

Следовательно, не только мудрость и память, а также и отсутствие мудрости и памяти. Девятая и десятая беседы Гиты имеют целью привести Арджуну к видению Единого. Одно явление за другим Он объявляет как выражающее его самого. "Я — то, я — это, я пребываю в том и этом. Я — все Риши, все горы, все реки, все деревья и животные, ибо я есмь всё. Частица меня самого, ставшая в мире жизни бессмертным Духом, собирает вокруг себя чувства, из которых ум есть шестое, облачённое в материю" (XV, 7). "Когда Господь обретает тело, а также покидая его, заключённый в ухе, глазе осязании, вкусе, обонянии, а также и в уме, он наслаждается предметами чувств" (XV, 8,9).

Немногие в наше время осмелятся сказать, что "Господь обретает тело и наслаждается предметами чувств".

"Заблуждающиеся не видят его, когда он уходит, или пребывает, или наслаждается, увлекаемый гунами, имеющие очи Мудрости, видят" (XV, 10). А чтобы люди не подумали, что всё же нечто может быть выделено вне его, он говорит о "людях, налагающих на себя аскетические подвиги, не предписанные Писанием", и называет их "неразумными, терзающими элементы, из которых состоят их тела, а также и меня, пребывающего в основе всего сущего; знай, что их решение от демонов (XVII, 5,6).

Таким образом, кто терзает своё тело, тот терзает самого Господа, пребывающего в основе всего. Поднимаясь всё выше и выше во всеобъемлющем единстве, он объявляет: "Я также вечное время... Я и всепоглощающая смерть, происхождение всего грядущего" (X, 33, 34). Всё, что есть семя всего сущего, это — я, о Арджуна, и нет ничего движущегося или неподвижного, что могло бы существовать без меня" (X, 39). "Как единое Солнце освещает землю, так и Владыка Поля озаряет всё поле, о Бхарата" (XIII, 33).

Такова йога. Единство всех вещей: множество, видимое в Одном.

Кто же в таком случае йог?

Тот, кто восприняв единство, живёт в нём.

Только такой человек может быть йогом.

Снова и снова это повторяется в Йога Шастре:

"Лишь тот, который в слиянии со мною" (XI, 47). Никто иной не может быть назван йогом в полном значении этого слова.

Припомним сказанное: "Кто деятельно исполняет свой долг, не рассчитывая на плоды своей деятельности, тот подвижник, тот — йог, а не тот, кто без огня и без обрядов" (XI, 1).

Таким образом, не внешний вид делает человека йогом, а его деятельность без расчёта на плоды этой деятельности. И в других местах повторяются описания йога, и его свойства определены с полной ясностью. "Равновесие именуется йогой", говорится во второй беседе: только тот, кто видит пребывающее Единство, только тот стоит на непоколебимой скале среди вечной смены преходящих явлений. Он искусен во всех деятельности, ибо "Йога есть искусство в действиях" (II, 50). Он не испытывает влечения к предметам чувств или к деятельности, он отказывается строить планы. "Достигшим единения именуется тот, кто отрешившись от образующей воли, не привязан ни к чувственным предметам, ни к деятельности" (VI, 4). Когда Шри Кришна желает определить совершенного йога, того, кто достиг совершенного единства, которое означает победу, он определяет его так: "Видящий подобие Единого Я во всём и через то познающий тождество всего, и приятного, и неприятного, тот считается совершенным йогом, о Арджуна!" (VI, 32). С большим старанием разрабатывается это определение йога в шестой беседе: йог есть тот, кто "утвердился в единении" (VI, 31); "тот, кто сосредоточен лишь на Едином Я", на образе Единого, пребывающего во всех вещах, кто видит в радости и горе лишь моменты проявления Единого, кто "свободен от всех вожделений" (VI, 18) и таким образом достигает "расторжения связи со скорбью" (VI, 23). Йог есть тот, кто "удовлетворённый мудростью и знанием, остаётся непоколебимым, чьи чувства обузданы, для кого и ком земли, и камень, и золото — одно и то же" (VI, 8,9,).

Над всем этим необходимо размышлять, ибо в стремительном потоке земного мира человек не может видеть Единства, если он не сумеет отвлечься от множественности и смотреть на неё время от времени со стороны, "пребывая в потаённом месте сам с собою" (VI, 10). Каждый человек, желающий достигнуть сознания единства, должен выделить некоторое время для одиночества, для медитации, пока он не окрепнет настолько, чтобы медитировать постоянно вихря жизни. Это необходимое условие для успеха. Ибо пока мы ещё не сильны, а слабы, пока мы не мудры, подвержены обманам, пока мы позволяем одной вещи доставлять нам удовольствие, а другой — страдание вместо того, чтобы во всём видеть одинаково полезный опыт. Пока всё это длится, мы должны выделить из нашего времени несколько спокойных минут в уединённом месте, где бы мы могли оставаться сами с собою, и затем устремляя свою мысль на Единого,

сознавать наше единство с ним. Мы должны следовать за указаниями данными Шри Кришной (VI, 10, 19), пока мы не почувствуем себя "узревшими Высшее Я и достигшими "удовлетворения" (VI, 20), пока мы не найдем "высшую радость, доступную Разуму за пределами чувств, пребывая в которой... мы не будем потрясены даже в самом тяжёлом горе" (VI, 21,22). И тогда мы будем наслаждаться "беспредельным блаженством от соприкосновения с Брахманом" (IV, 28). И когда всё это произойдет, когда человек в действительности увидит Единое "Я" пребывающим во всём сущем и все сущее — пребывающим в Едином Я (VI 29), тогда тот, "кто, утвердившись в единении, поклоняется мне, пребывающему во всём, тот йог живёт во мне, каков бы ни был его образ жизни" (VI, 31).

Вот что значит быть истинным йогом. Он может быть писателем или купцом, воином или земледельцем, он может быть царём или государственным деятелем, философом или ещё кем-нибудь — дело не в том.

"Он живет во мне, каков бы ни был его образ жизни", если он видит единство всех вещей и все вещи видит в Боге. В этом — смысл всей йоги. Дело не в том, чем вы занимаетесь, дело в том, как вы думаете. Важна не наша внешняя деятельность, а то настроение, с которым вы относитесь к миру. Важно не то, что вы делаете, а то, каковы вы в ваших чувствах и помыслах. Вот что определяет — можете ли вы быть йогом, или нет.

В следующей главе мы рассмотрим три пути, по которым должны идти ищущие йогу. Эти три пути — путь Мудрости, путь Любви и путь Деятельности, три пути, соответствующие различным темпераментам и сливающиеся под конец в единый путь, так как Единое Я за всеми темпераментами — одно и то же. Идущий по пути мудрости называется Джнани. Идущий по пути преданной любви — Бхакта. Идущий по пути деятельности Карма.

Но что сказал Шри Кришна об этих людях, когда он приводил к одному выводу всё, заключающееся в шестой Беседе? Он сказал: "Йог выше аскетов, даже выше мудрецов, он выше человека действия" (VI, 46). Совершенный йог выше идущих по тому или иному отдельному пути, он выше, чем Джнани, чем Бхакта и Карма, ибо заключает в себе все их особенности, обладает всеми их свойствами в полном равновесии, ни одним из них не больше и ни одним из них не меньше. Он научился одновременно праведно мыслить, праведно желать и праведно действовать, и потому он выше тех, которые преимущественно мудры, или исключительно преданны, или особенно деятельны. Он их всех соединяет в себе. "Поэтому будь йогом, о Арджуна" (VI, 46).

Лекция III МЕТОДЫ ЙОГИ

Мы рассматривали в прошлой беседе природу йоги, а также средства для достижения её. Как достигнуть йоги? Изучая её суть, мы убедились, что суть эта состоит в осуществлении единства. Истинный йог стоит на незыблемой скале, и из сознания единства исходит всё его действие.

А так как этот устойчивый центр, это равновесие достигается с величайшим трудом, не удивительно, что первой мыслью Арджуны было сознание великой трудности такого равновесия. Ему казалось невозможным оставаться спокойным среди вихря жизни, и отсюда его вопрос, который задаётся, по-видимому, всеми ищущими. И каждый из них испытывает одно и то же горькое чувство, что именно перед ним становится эта трудность, только его путь так тяжёл, что он тяжелее всех других путей. "Для этой йоги, которая, по твоим словам достигается душевным равновесием, о Мадхусудана, я не вижу прочного основания ввиду тревожности ума, ибо ум воистину беспокоен, о Кришна, он бурный, упорный и трудно сдерживаемый. Мне думается, его так же трудно обуздать, как трудно сдержать ветер" (VI, 33,34). Ответ следует немедленно: "Без сомнения, о мощно вооруженный, ум беспокоен и его трудно обуздать. Но его можно покорить постоянным упражнением и бесстрашием. Йога трудно достигается, думается мне, человеком, который не овладел своим Я, но кто покорился Высшему Я, тот без труда достигает её верно направленной энергией" (II, 35,36). Это постоянно повторяемый ответ Учителя Йоги на постоянно повторяющиеся сомнения ученика. Каждый из нас знает, до чего трудно подчинить ум, как трудно его сдержать. Чем больше мы стараемся обуздать его, тем более неудержимым кажется он в своих вечных переменах. И всё же Господь Йоги объявляет, что возможно достигнуть внутреннего равновесия, и он даёт два указания: постоянное упражнение и бесстрашие. Вы помните, что он даёт такой совет: "Сколько бы раз тревожный и непостоянный ум ни рассеивался, обуздывай его каждый раз и подчиняй его своему Я" (VI, 26). В этом и состоит постоянное упражнение, и без этого невозможно равновесие; и это естественно, ибо в течение многих тысячелетий ум привык разбегаться по всем направлениям. И эта беспокойная деятельность ума будет служить признаком его развития до тех пор, пока он не поднимется на высшую ступень. На низших ступенях эволюции ум остается равнодушным и дремлющим внутри человека, пока его не пробудит то или другое сильное физическое желание; и только позднее, вместе с прогрессом человека, ум становится тревожным и деятельным. На высшей ступени является новая задача — привести всю эту тревожную деятельность к спокойствию, к равновесию, что достигается только постоянным упражнением, великим терпением и неутомимой настойчивостью.

Пусть стремящийся к йоге подражает великому терпению, которое составляет свойство ученого на Западе. Пусть он подражает той несравненной настойчивости, с которой ученый целыми годами производит один и тот же опыт, пока не рассеются все его сомнения и результат не выяснится для него вполне. Совершенно такое же терпение требуется от йога, потому что йога — такая же наука и подчиняется таким же законам. Но именно потому, что она подчиняется законам, она вполне надежна. А так как закон в данном случае состоит в том, что постоянное упражнение создает привычку, а привычка строит характер, то можно быть вполне уверенным, что последствием постоянных усилий будет спокойный и уравновешенный характер. Что касается средств для достижения этой цели, то они для каждого человека неодинаковы; и потому Шри Кришна говорит о различных методах, хотя он и не разделяет их определённо и быстро переходит от одного метода к другому. В одном стихе говорится об одном методе, в следующем — о другом, и требуется очень внимательное изучение, чтобы каждый из них

поставить на своё собственное место. Три главных средства, или пути к йоге, определены так: "Йога Отречения" — отречения от желания. "Уравновешенный йогой отречения, ты сам придешь ко мне" (IX, 28).

Йога Распознавания приводит к единству посредством знания: "Этим я дарую Йогу Распознавания, посредством которой они достигают меня" (III, 10). Затем Йога Жертвы, которая приводит к единению посредством действия: "Единение йогой через действие" (III, 3).

Это — те три пути, которые, как мы увидим ниже, в совершенстве приспособлены к своим особым целям когда же цель достигнута, шедший по одному из убеждается, что он овладел всеми тремя путями и что по какому бы он ни пошел, он достигнет той же самой цели. Как сказано по отношению путей Санкхья и Йога, только "дети, а не мудрецы, говорят о Санкхье и о Йоге как о чем-то разном. Тот, кто постоянен хотя бы в одном из них, достигает плодов обоих" (V, 4).

Мудрый признаёт все три пути за один, хотя они называются различно по причине, которую мы сейчас увидим. Начнём с того, что представим себе круг эволюции из нисходящей и восходящей дуги, из Правритти Марга и Нивритти Марга, пути Выступления и Возврата. Е. П. Блаватская придавала большое значение этому "спусканию духа в материю" и последующему его восхождению. По обоим этим путям неизбежно проходит вся человеческая эволюция. Каждое человеческое существо подвигается по одному из этих путей, и о них сказал Шри Кришна: "Свет и Мрак — таковы два вечных пути мира: по одному идет тот, кто не возвращается, по другому тот, кто возвращается вновь" (VIII, 26).

Это не буквально относится к путям выступления и возврата, так как человек может быть на пути возврата в течение многих воплощений, прежде чем он вступит на последнюю ступень, о которой говорит Шри Кришна, и уже не вернется более назад. Но, идя по этому пути, он более не удаляется, а возвращается домой, хотя бы дом этот находился ещё далеко впереди. На пути выступления человек рождается снова и снова, толкаемый к рождению желанием, он рождается в условиях, подходящих для удовлетворения его желания, и каждое новое рождение куёт новые звенья в удлиняющейся цепи, которая связывает его.

На пути Возврата человек рождается для того, чтобы выплатить долги, совершенные в прошлом, и каждое рождение уничтожает несколько звеньев в укорачивающейся цепи, которая связывает его.

На пути Выступления — сознание во власти материи, оно стремится захватить как можно больше материи и удержать её для своей пользы. Но по мере того, как сознание начинает все яснее распознавать окружающую среду, оно становится всё разборчивее, всё разумнее делает свой подбор. Путём опыта в области материи оно дифференцирует свои собственные способности, и функции этих последних специализируются всё более и более. Функции эти строят постепенно органы для более полного выражения приобретенных способностей. Путём упражнения этих органов функции становятся всё отчетливее, туманное делается определенным, массивное — обостренным. Неопределенное "ощущение" внешнего мира на первых ступенях эволюции становится позднее зрением, слухом, осязанием,

вкусом и обонянием. Ощущения дают материалы для познания, и сознание развивается. Всё это необходимо, чтобы обеспечить сознанию господство над материей, и ради этого человек идёт по пути Выступления. Под конец насыщение заменяет чувство голода, и медленно, возвращаясь время от времени на покинутый путь выступления, сознание начинает поворачивать внутрь, и уменьшающийся интерес к не-я позволяет вырастать увеличивающемуся интересу к Высшему Я.

Человек вступает окончательно на путь Возврата, и все поучения Гиты обращены к сознанию, уже вступившему на этот путь. Они не только бесполезны, но даже вредны для того, кто всё ещё на пути Выступления.

Обе половины полного круга эволюции дают нам первое разделение человечества на два больших класса, на тех, которые выступают, и на тех, которые возвращаются, на тех, которые дифференцируются, и на тех, которые объединяются. Первый класс включает в себе огромное большинство. Второй, на нашей ступени эволюции, включает в себе лишь немногих.

На том и другом пути, спускающемся и поднимающемся, можно отметить три подразделения, которые различаются по основному темпераменту людей. Под "темпераментом" я подразумеваю преобладание — среди множества разновидностей — одного из трёх аспектов сознания, которому соответствует одно из трёх свойств материи, одна из трёх гун. Аспекты сознания называются Джнана, Крия и Ичча, гуны — Саттва Раджас и Тамас, т. е. мудрость, деятельность и воля, ритм, движение и инерция.

Это распределение переносит нас снова в область тройственности, которым отличается наша Вселенная. Мы уже знаем, что троичность Логоса отражается в человеческом сознании — Дживатме, и в материи — упадхи.

Если вместо изучения сознания мы начнем изучать проводники, мы увидим ту же троичность и убедимся, что она соответствует трем гунам материи (Пракрити): ритму (Саттва), энергии (Раджас) и инерции (Тамас). Всюду мы видим ту же троичность; и если одно из трех свойств преобладает, остальные два тоже присутствуют, только они временно скрыты, подавленные первенствующим свойством. Нет ни единого атома материи, в котором не заключались бы одинаково все три гуны, нераздельные и неразделимые. И только когда возникают соединения, молекулы, ткани, органы и тела, благодаря взаимным соотношениям атомов и молекул, одно свойство может выделиться как преобладающее, и тогда такое соединение называется по преобладающей гуне или саттвическим, или раджасическим, или тамасическим. Но не нужно забывать, что все три гуны всегда налицо, и если одна из них резко выявилась, обе остальных могут быть вызваны к жизни соответствующими стимулами. Но при этом никогда не следует терять из виду единства, не следует впадать в заблуждение благодаря троичности гун. Как только мы вступаем в область множественности, мы не найдем ни единой вещи абсолютно чистой: все перемешано между собой, всюду частичное проявление, и отсюда — многообразие всего проявленного. Возьмём для выяснения моей мысли аналогию с магнитом. Мы знаем, что магнит имеет положительный и отрицательный полюсы и что в центральной части магнит проявляет очень мало магнетизма, в этой своей части он почти не притягивает и не отталкивает. Значит

ли это, что весь положительный магнетизм находится на одном конце магнита, а весь отрицательный на другом, и в середине нет ни того, ни другого? Совсем нет. Но в середине положительный и отрицательный токи по существующей гипотезе взаимно уничтожают друг друга, тогда как на концах токи проходят без противодействия. Отсюда представление, что положительное электричество вытекает из положительного полюса, а отрицательное — из отрицательного, тогда как на самом деле ток тот же самый, циркулирующий всё время вокруг молекул. Таким образом появляется разнообразие, которое мы принимаем за разделенность, но которое на самом деле не есть разделенность, а только временное явление, производимое направлением токов. Подобным же образом и три аспекта сознания всегда налицо в каждом индивидууме, причём один или другой аспект преобладает, как уже упомянуто выше.

На пути Выступления все три аспекта сознания находятся в периоде сильного роста, или, скорее, раскрытия. Все они налицо, но они ещё не раскрылись, ещё не проявились вполне. Эта частица Единого Я, Дживатма, обладает всеми возможностями Божественности, но они завернуты внутрь, как в семени завернуты все возможности того дерева, которое вырастает из него.

И мы знаем, до чего прекрасны эти аналогии в природе, и как многому могут они научить нас. Если мы возьмём семя и осторожно разрежем его, мы увидим, что внутри его завернуты три части растения — корень, который растёт вниз, ствол, который растёт вверх, и листья, которые распространяются во все стороны: всё растение в миниатюре перед нами, изумительный микрокосм будущего макрокосма — дерева. И так во всех остальных случаях зачаточного роста. Этот способ природы заворачивает внутрь то, что должно быть развёрнуто в течение эволюции, повторяется снова и снова в физическом отражении того Семени Жизни, которое исходит от самого Логоса.

Таким образом, мы имеем в каждой Дживатме, вступающей на путь Выступления, три функции или три аспекта сознания, и все три должны быть приведены к деятельному проявлению. Ради этого и существует физический мир. Он существует только для того, чтобы Дживатма могла развернуться внутри него, и каждая подробность мировой жизни предначертана с величайшей заботой и совершенной Мудростью для того, чтобы Божественные силы Дживатмы могли быть извлечены из их зачаточного состояния и проявлены во всём их величии как результат работы Вселенной.

Мы видим, что мир переполнен предметами, и это для того, чтобы предметы, привлекая и отталкивая друг друга, своими столкновениями и разделением совершали эволюцию формы и вызывали раскрытие скрытых в ней сил. Каждый объект, в свою очередь, является стимулом для эволюции других объектов, и сам он получает стимулы от других, ради раскрытия Единого Я во всём. Камни и деревья, животные и люди, дэвы и асуры, все они действуют друг на друга, совершается постоянное взаимодействие, постоянные взаимные влияния одного на другое, и от этого зависит успех эволюции.

Для того, чтобы разбудить тот аспект сознания, который носит название Иччха, мир переполнен предметами, как привлекательными, так и отталкивающими.

Подательница предметов желания, Шри Лакшми, супруга Вишну — великая представительница Пракрити (материи), и в её руках находится сокровищница всех предметов, которые возбуждают, укрепляют и развивают этот аспект сознания. Не следует забывать, что Лакшми — супруга Вишну, а желание — слуга Мудрости.

Воля (Иччха) должна быть вызвана воздействием на неё со всех сторон желанных предметов, чтобы, отправляясь в погоню за ними, она могла стать сильной, её могучая энергия могла быть пробуждена внутри сознания. Но точно так же аспект Джнанам должен быть вызван к жизнедеятельности ненасытной жаждой желания, неутомимым стремлением к привлекательным предметам. И на всех ранних ступенях эволюции знание (Джнанам) является не господином над желанием, а слугой его. Это не есть Джнанам в его высшем смысле, это — его низшее проявление.

А затем должен быть пробужден и аспект Крия — деятельность, способность действовать на внешний мир.

Иччха (воля) есть то изменение внутри сознания, которое увлекает человека к предметам желания. Джнанам (знание) есть то, что отражает внутри сознания предметы, наполняющие мир. Крия (деятельность) есть то, что выступает, чтобы овладеть, схватить, удержать. И все три аспекта необходимы для того, чтобы сознание проявилось вполне.

Кроме того, каждый из трех обладает в свою очередь двумя аспектами — низшим и высшим, принадлежащим к пути Выступления и к пути Возврата. В своей основе каждый из трех аспектов остается тем же, но проявления каждого меняются сообразно направлению пути.

И мы сейчас увидим, что перемена происходит в низшем тогда, когда оно разовьётся в размере всей своей силы. Тогда оно превращается в высшее, изменяя лишь своё направление и устремляя все собранные до этих пор силы на движение к Высочайшему. Так, в Дэви Бхагавата Дурга преобразуется каждый раз, когда она меняет своё направление: отворачиваясь от своего Господа, она — Пракрити (материя), поворачиваясь к нему, она становится единой с ним, она — Махадэва.

Остановимся на минуту на пути выступления. Здесь желание есть добро. Без желания нет прогресса, без желания есть сон. Интересно отметить, что Иччха (воля) имеет своим соответствием в мире материи тамас, инертное свойство материи. Гуны, подобно сознанию, имеют свои высшие и низшие аспекты: низший тамас есть неподвижность, высший есть мир, устойчивость, равновесие. Инерция материи соответствует абсолютному покою, Миру Высочайшего. Существует высший и низший полюс материи. В высшем — совершенная устойчивость, в низшем — неподвижная инерция. На пути Выступления эта инерция должна быть преодолена, и она пересиливается тем, что в сознании возбуждается тяга к желательным предметам и отвращение от нежелательных; пробуждается желание, и оно преодолевает лень, страстное стремление побеждает препятствие, поставленное перед ним инерцией материи. И не следует слишком рано отказываться от этого низшего аспекта желания. Ибо если отказ последует

преждевременно, остановится эволюция сознания, тамас возьмёт верх, и на месте деятельности водворится летаргия. Человек мира сего, мирской человек в полном смысле этого слова, должен быть полон желаний.

Так же и с другими аспектами сознания. На низшей ступени Джнана — что означает Мудрость — принимает форму Виджняна, распознавательной способности, которая разделяет и раздробляет. Знание обособленного должно предшествовать знанию Единого, и пока способность распознавания не отразит в сознании множественности, до тех пор нет надежды, что сознание проникнет в природу множественности и через множественность придет к Единству. Чем совершеннее этот аспект сознания будет различать, отделять и классифицировать, тем полнее он начнет понимать. И это мы видим в науке, которая является выражением низшего аспекта Мудрости (Джняна), её низшего полюса. Наука выражает прежде всего идею различия, затем идею классификации, которая есть первая ступень к объединению. Пока вы не узнаете различия, вы не узнаете единства.

Единство не производит впечатления на сознание, пока различие не научит распознавать его. Пока вы окружены неподвижным воздухом, вы не сознаёте его; и только когда начинается движение ветра, вы узнаете, что окружены со всех сторон атмосферой. Один цвет совсем не был бы цветом, ибо вы не видели бы ничего иного, и идея цвета не могла бы возникнуть. Только когда возникают его различия, начинает развиваться и чувство цвета. Чувство счастья не могло бы возникнуть, если бы не было другого его аспекта, страдания, ибо только путем перехода от наслаждения к страданию, от радости к печали возникает знание того и другого, а затем и возможность подняться над обоими. Вот почему этот низший полюс Джняна должен быть выработан на пути Выступления, и чем совершеннее будет его развитие, тем более будет готово сознание к великой перемене направления, которая последует затем.

Третий аспект сознания, Крия, деятельность, должен быть также выработан, подталкиваемый со всех сторон, придающий желанию тревожный характер, делающий ум беспокойным, а тело — подвижным, он бросается во все стороны в постоянной тревоге и постоянном волнении. И вся эта суеда, всё напряжение и озабоченность означают рост сознания. Настанет время, когда и он придет в порядок. Это будет тогда, когда наберется достаточно материала. Пока же не накопится энергия, нечего заботиться о её контроле, так как и контролировать-то нечего. Чем энергичнее проявление аспектов и свойств у человека, тем более он подаёт надежды.

Вопрос этот ставится обыкновенно совершенно иначе, и мы скоро подойдем к иной его постановке. А пока я утверждаю, что наиболее обещает в будущем не умеренный человек, а как раз тот человек, который заряжен всевозможными желаниями, стремительно подхватывающими его и несущими вперед. Человек с умом активным, быстрым и беспокойным, исследующим, наблюдающим, раздробляющим, делающим индукции и дедукции; человек, тело которого так полно деятельности, что если ему нужно двигаться, бежит, а не идёт — такой человек обещает многое в будущем.

Я не говорю, что такой человек привлекателен для тех, кто видит лишь внешнюю сторону, но в нём заключены возможности, в нём нечто раскрывается, есть материал, над которым можно работать. Если вы хотите строить дом, вам прежде всего нужны кирпичи. И хотя повозки с кирпичами и некрасивы, и непривлекательны, они необходимы для работы архитектора, для создания из кирпичей прекрасного здания.

Человек, беспрестанно засыпающий, не годится для напряжённого труда, требующегося на высших ступенях.

Поверьте мне, Господь не вызвал бы к жизни всей этой тревожной суеты, если бы она не была важнейшим путём к цели, ибо Любовь и Мудрость управляют Вселенной. И именно из людей, шедших с особой энергией по пути выступления, выходят пионеры пути Возврата, они первые поворачивают домой.

То, что полезно на пути Выступления, — присваивание, удержание за собой, энергичный захват, всё это необходимо для раскрытия сознания, для развития организма, для построения проводников, которые необходимы для будущих задач Дживатмы.

Если даже взять самое неприятное явление современной цивилизации — человека, который накапливал миллионы за миллионами путем закабаления бесчисленного количества людей, всё же нужно признать, что человек этот развил силу воли, что он достиг сосредоточения мысли, что он приучил себя к деятельности, не знающей усталости, не боящейся никакого труда. И хотя задача такого человека была несомненно недостойная, но преследуя её, он развил в себе качества, которые сделают из него в тот день, когда он заменит свою недостойную задачу благородной целью, могучую силу для блага мира.

А теперь посмотрим, как происходит эта замена. Мы видим, что Шри Кришна говорит о людях, которые, поклоняясь, ищут награды. Таким поклонением вносится новая наклонность в человеческую душу. И хотя нельзя ставить высоко поклонение, которое совершается ради награды, но людей следует брать такими, каковы они на самом деле, не какими мы воображаем их. Три дважды рожденные касты, которые упоминаются так часто, символизируют три определенных типа человеческой природы. На той ступени, которую мы рассматриваем, представители всех трех каст руководимы желанием, желания же их определяются тем аспектом сознания, которое преобладает в каждой из них. В касте вайшья, в которой господствует воля (Иччха), деятельность вызывается дхармой накопления предметов желания. В касте кшатриев, у которых преобладает Крия (деятельность), стимулом является дхарма великолепия, господства, власти. У брахманов, отличительной чертой которых служит Джнана (Мудрость), стимулом является желание неба (Сварга) и его радостей.

В каждой из трех каст деятельность мотивируется желанием. В Бхагавад-Гите сказано: "Их души полны желания, высшая цель их — рай, воплощение есть для них плод деяний, и они предписывают многие различные церемонии для достижения радостей и власти" (II, 43). Это те церемонии, которые происходят под влиянием желания достигнуть господства, власти и наслаждения, что ведет к

рождению в касте кшатриев, где выгода и наслаждения законны, где они идут об руку с исполнением долга. О брахманах говорится: "Знающие три Веды; пьющие Сома, очищенные от греха, поклоняющиеся мне жертвою, просящие у меня пути к небесам; по достижении святой обители Владыки Светозарных, они вкушают на небе от их божественных пиров" (IX, 20).

Также и о ярко выраженном вайшья, желающем успевать в действии, сказано: "Те, которые жаждут успеха в земных делах, поклоняются Светозарным, ибо в коротком промежутке человеческого мира успех рождается от деятельности" (IV, 12).

Посмотрите, как уже в самой разнице поклонения скрывается начало перемены. Мотивом является желание, желание личных радостей. Но там, где мотивы подчиняются аспекту разума (Джнанама), там объект желания поднимается в более отдаленную от земного мира, более утонченную сферу, к божественным пирам, к радостям Светозарных. Требуя жертвы, желание физических объектов должно быть обуздано, они должны быть пожертвованы для того, чтобы более тонкие радости могли стать на их место.

Для достижения господства и власти кшатрий должен приносить жертвы и выполнять обряды. Этим на него налагается известная узда, которая воспитывает его, заставляя проявлять некоторую долю самоотречения в то время, как он пользуется властью и господством. И это длится до тех пор, пока он не насытится ими вполне. Точно так же и вайшья должен пожертвовать частью своих богатств для того, чтобы его деятельность была успешна, и его научают приносить жертвы дэвам, чтобы таким образом сама жажда успеха могла служить тонким средством для удаления от него самого желания, которое является стимулом для его деятельности. Как мудро всё это! Не видно поспешности, всюду дается достаточно времени. Дается всем желаниям расти и расцветать для того, чтобы человек становился сильным, и те же желания начинают ограничиваться и обуздываться путем жертвоприношений и религиозных обрядов. И всё же допускается их устремление к намеченной цели, всё же сохраняется их собственный стимул. Но то — радости неба вместо радостей земли, более широкое господство вместо мелкой власти, большие богатства вместо ничтожных накоплений.

Внешние предметы сохраняются как стимулы до тех пор, пока люди в них нуждаются. Вкус к обладанию ими продолжает поощряться, и в то же время вкус этот понемногу ограничивается и приводится под контроль путем жертвоприношений. И так как всё это повторяется из жизни в жизнь, "я" человека начинает испытывать утомление, и тогда всё начинает казаться ему преходящим, бесцветным, пустым. Возникают тяжелые разочарования, возникает печаль, возникают обманутые ожидания. Человек, стремившийся к власти, получает её, но находит её тягостной. Человек, жаждавший знания, добивается его и в то же время чувствует своё сердце опустошенным и отчаявшимся. Человек, работавший для достижения великого успеха, приобретает его и находит, что успех этот преобразился для него в тюрьму. Так, постепенно раскрываясь изнутри, Дживатма постигает, что всех этих предметов недостаточно для удовлетворения его. Он вкушает до тех пор, пока сам вкус не опротивеет ему. Он наслаждается, пока не пресытится наслаждением. Он изучает, пока бремя знания не утомит его.

Высшее Я устаёт от бесконечно повторяющихся испытаний. Человек подходит к поворотной точке, и здесь из утомления вырастает бесстрастие. Это не настоящая Вайрагья, которая есть плод знания, но переходящая Вайрагья, плод пресыщения, и в этот момент, при слиянии двух путей, пути Выступления и пути Возврата, этой поворотной точки долгого странствия, утомление одолевает странницу-душу, и под влиянием этого утомления в сознании происходит тонкое изменение, и от исканий низшего полюса оно медленно поворачивает и начинает подниматься к высшему полюсу. "От предметов чувств, но не от вкуса к ним освобождается тот, кто не дает им питания, но и вкус к ним исчезает у того, кто узрел Брахмана" (II, 59). И тогда все три аспекта сознания меняют свои объекты: Иччха, воля или желание, низший полюс которого есть Кама (страсть), становится желанием Высшего, стремлением к Богу, и тогда выявляется высший полюс желания, Бхакти (благоговейная любовь). Виджнянам, низший полюс второго аспекта сознания, от которого исходит реальность всех внешних объектов, становится Джнянам, Мудростью, познающей Единое. Третий аспект сознания, Крия (деятельность), вместо того, чтобы проявлять свою энергию в погоне за объектами, как это было на низшем полюсе, проявляется на высшем — как Яджна, жертва.

Таким образом, на пути Возврата все три аспекта изменили свои имена, но не свойства, и мы имеем на этом новом пути Бхакти, Джнянам и Яджна (Любовь, Мудрость и Жертва) — эти высшие проявления, высшие полюсы трех аспектов сознания. К этой ступени сознания относятся слова Шри Кришны: "Некоторые созерцают Единое Я в своем Я, соединяясь с ним посредством медитации", т. е. путем Бхакти, "другие — посредством Санкхья Йоги", т. е. путём Джняна, "а иные посредством Карма Йоги", т. е. путем Яджна (XIII, 24). На этой ступени наступило время осуществлять йогу.

Тем не менее и на пути Возврата мы все ещё различаем троичность в едином пути, и в соответствии с преобладанием одного из темпераментов будет и избранный путь, и для каждого из трех путей будет своя соответствующая йога. Для аспекта Иччха (воля) — йога самоотречения, для Джнянам — йога Распознавания. Но теперь способность различать относится уже не к различным объектам, а к реальному и нереальному, к преходящему и вечному, а для третьего аспекта, Крия, мы имеем йогу Жертвы, когда каждое действие совершается как жертва, когда связывающее свойство деятельности исчезает, как мы это видели в предыдущей главе.

Посмотрим же, как проявляются на пути Возврата все три аспекта сознания с соответствующей для каждого из них йогой.

Возьмем прежде всего путь Иччха (воли) и посмотрим, как человек соответствующего темперамента должен проявлять себя, если он желает идти по пути возврата. Здесь мы встречаемся с йогой Отречения. Когда Арджуна, обращаясь к своему учителю, спросил: "Но что толкает человека против воли к греху, о Варшнея? Воистину, его толкает к нему как бы неведомая сила" (III, 36), ответ был следующий: "Это желание, это гнев, рожденные от энергии движения (Раджас). Познай в нем вашего всё оскверняющего, всё пожирающего врага на земле" (III, 37). Вот почему он говорит своему ученику: "Убей, о мощно вооруженный, врага в образе трудно преодолимого желания (Камы)" (III, 43).

На этом пути Отречения низший аспект воли, желание, становится великим врагом человека. И вновь говорит Господь в своей Мудрости: "Влечение и отвращение к чувственным предметам коренятся в чувствах. Не поддавайся ни тому, ни другому: воистину они препятствия на пути" (III, 34). Но что же делать человеку?. Он развивал в себе всё время и влечение, и отвращение. То и другое было мотивом его действий. Как же может он смотреть на них как на своих врагов, которых нужно убить? Они были его товарищами во время юности. Но как пуста покажется жизнь, когда они будут убиты. На Курукшетре души они — его враги, нападающие на него. Как ему сражаться? Первым шагом будет решение воздерживаться от удовлетворения желания. "Когда подобно черепахе, втягивающей в себя все свои члены, он отрывает свои чувства от предметов чувств..." (III, 58).

Человек, понявший тщету радостей, сопровождаемых страданием, понявший, что все рожденные от внешнего соприкосновения радости "воистину лоно страдания" (X, 22), понявший, что "наслаждения, кажущиеся вначале подобными нектару, становятся ядом" (XVIII, 38). Что должен он делать, поняв всё это? Прежде всего умом удерживаться от объектов желания, что он может сделать, ибо "ум сильнее чувств" (III, 42). Сказано, что "от возрожденного человека объекты чувств постепенно удаляются прочь" (II, 59). И это — по простой причине. Ибо в каждом объекте желания скрыта частица Единого Я, которая притягивает другую частицу, пробуждая в ней желание соединиться с ней. Но когда эти частицы Единого Я начинают жаждать соединения с самим Я, а не с внешней шелухой, и сознательно отвергают шелуху, тогда пребывавшее внутри объекта Единое Я удаляется из этого объекта и погашает его привлекательную силу. Таким образом, отказ человека от объекта желания находит себе ответ в удалении привлекательности объекта Господом, живущим во всех объектах чувств. Следовательно, объекты, от которых воля человека отказывается, буквально "отвращаются от воздержанного обитателя тела".

Тогда делается второй шаг. Человек удерживает себя силою. Его желания стремятся погрузить его снова в наслаждения чувств, ибо "вкус" к ним сохраняется, но он удерживает их железной рукой, и тогда желание превращается в волю и вместо того, чтобы привлекаться извне, оно подчиняется руководству изнутри. И тогда, из этого насильственного воздержания, из этого отворачивания от объекта желания перед "воздержанным обитателем" тела, среди всей тщетной жажды его чувств, появляется видение Брахмана, "верховой радости за пределами чувств" (VI, 21). И когда видение Высочайшего занимается перед "воздержанным обитателем тела", тогда и вкус к объектам "исчезает у того, кто узрел Брахмана". Желание умирает, побежденное более могучим стремлением. С видением Высочайшего, который делается единственным объектом желания, все низшие объекты теряют свою привлекательную силу. Сохраняется только влечение к раскрывшемуся Единому, тогда как прежде Единый скрывался под множественностью желанных объектов. Это всепоглощающее желание отнимает всякий вкус к преходящим предметам, и тогда возникает настоящая Йога Отречения: "Знай, о Пандава, то, что именуется отречением, и есть йога. Не может стать йогом тот, кто не отказался от образующей воли (руководимый воображением, а не познанием Воли Единого) ... Достигшим единения именуется

тот, кто, отрешившись от образующей воли, не привязан ни к чувственным предметам, ни к деятельности" (VI, 2, 4).

"Уравновешенный Йогой Отречения, — говорит Господь, — ты сам придешь ко мне..." (IX, 28). И далее: "Отречение от деятельности, порожденной желаниями, мудрецы называют отречением" (XVIII, 2). Отречение от желаний и есть йога Отречения, путь Любви (Бхакти Марга), и этот путь делается легким, раз человек узрел Единого.

Йога Отречения имеет много общего с йогой Жертвы и нередко смешивается с ней. И действительно, обе так часто сливаются в учении о йоге, что легче рассматривать их вместе, чем порознь.

А между тем есть разница, которая отличает один путь от другого. Ибо на первом, на пути Отречения, мотивом служит любовь к Богу, дача себя ему, желание, устремленное на него одного. Всё остальное теряет свою силу, как бы исчезает из фокуса внимания, становится смутно видимым. Он "отказался от всех вожделений сердца, о Партха, и, углубившись в себя, нашел удовлетворение в Божественном Я" (II, 55). Счастье найдено в едином объекте, и прозрение в его природу даёт жизни её привлекательность. И тогда он "обретает мир" (II, 64).

С другой стороны, на пути Карма Марга, в йоге Жертвы, меняется мотив действия. Перемена происходит не в направлении желания, но в том духе, в каком совершается действие. Это — жертва, действие, совершённое как жертва, что и служит характерной чертой Карма Марга.

Для того, чтобы вступить на путь Бхакти, человек должен совсем отказаться от удовлетворения желаний, которые возникают в его сердце. Лучшим путем для этого служат постоянные, ежедневные усилия стать равнодушным к радостям и страданиям.

Но этого нельзя достигнуть сразу: нужно, когда радость приходит, не допускать, чтобы эта радость поглощала вас, ибо вы не стремитесь развивать в себе силу желания, силу влечения к объектам, но хотите повернуть ваше желание к Богу. Точно так же, когда приходит страдание, не позволяйте ему поглощать вас и вспоминайте, что страдание — также лишь преходящее явление. Сохраняйте воспоминание о страдании посреди радости, а воспоминание о радости среди страдания. И тогда станет возможным "признать равными радость и скорбь, достижение и неудачу" (II, 38). Сливайте их своим сознанием. Вспоминайте, что то и другое — лишь две стороны одного и того же аспекта Единого Я, аспекта воли (Иччха), и ни то, ни другое не может быть постоянно, оба преходящи, и они следуют одно за другим, как день за ночью, появляясь и исчезая постоянно. "Соприкосновения с материей, о сын Кунти, бросают в холод и жар, доставляют наслаждение и страдание. Эти ощущения преходящи, они налетают и исчезают, выноси их мужественно, о Бхарата" (II, 14).

Научитесь соединять то и другое в мыслях и в жизни, стремитесь распознавать элементы страдания в радости и элементы радости в страдании и делайте это до тех пор, пока внутри вас не установится равновесие и вы не перестанете

отвращаться от того, что приносит боль, и стремиться к тому, что преходяще. Когда же придёт радость, примите её, и когда придёт скорбь, примите и её. А когда радость и скорбь отсутствуют, не стремитесь к ним (XIV, 22). Вы должны научиться равновесию и должны оставаться спокойными как в натиске радости, так и в натиске скорби. "Познающий Предвечного... не радуется, получая приятное, и не скорбит, получая неприятное" (V, 20).

Затем мы должны помнить, что на этом пути Бхакти (любви) существуют две главные опасности, которые подстерегают человека после того, как ему удалось победить или, вернее, преобразить свои желания. Опасности эти состоят в порывах одушевления, в поднятиях к небесам и в последующих падениях в бездну тоски и отчаяния. Человек то чрезмерно радуется светлему, то чрезмерно скорбит при виде тяжёлого. Необходимо найти среднюю точку и удержаться на ней. Необходимо ослабить чрезвычайный восторг, и это ослабление умерит и чрезвычайную скорбь. Нужно предоставить вздымающимся волнам радости и скорби разбиваться вокруг, а самому твердо стоять на непоколебимой скале любви к Богу. И тогда ни волнам радости, ни волнам страдания не удастся опрокинуть его, он твердо устоит на скале, и хотя он не перестанет чувствовать их, ибо чувство необходимо для дальнейшей эволюции, но он уже не поддастся им и не потеряет равновесия. Это — один урок, необходимый на пути Отречения (Бхакти Марга).

Другая опасность, грозящая на этом пути, как об этом говорит история всех великих подвижников, состоит в том, что возможны по временам приступы слабости и утомления, когда уверенный в победе над своими низшими желаниями снова подпадает под их власть, когда в кажущемся стремлении к Высшему раскрывается стремление к личному удовлетворению, когда является потребность радостей даже и на пути Отречения. "Как мало таких, сказал один из великих христианских подвижников, которые готовы служить Богу даром".

Вот откуда идет изречение, которое можно найти во многих религиозных книгах, что человек должен быть "наг" для того, чтобы вступить на этот путь. "Нагим следует следовать за нагим Иисусом Христом", — как говорится в "Подражании Христу". Он не должен ожидать ничего.

Та же идея появляется и в истории Шри Кришны, в эпизоде с лишенными одежд гопи, и в Калки Аватара, где он должен сражаться без оружия, голыми руками. Это — предостережение в форме аллегории подвижнику, чтобы он не вступал на этот путь высочайших эмоций, пока ткань низших эмоций всё ещё одевает его. Он должен быть настороже, строго и бдительно следить, чтобы его тело оставалось в полном подчинении у него, иначе оно может одержать неожиданную победу, свергнуть его временно с пути. Чтобы избежать этой опасности и написано: "Погрузивший свою мысль в меня, пусть стремится он ко мне" (VI, 14). "Пребывая мыслью в Едином, да изгонит он мысль о другом" (VI, 25). И как часто снова и снова повторяется: "Кто постоянно думает обо мне, не мысля ни о чем другом" (VIII, 14). "Мыслью устремленный ко мне" (VII, 1). "На меня устремляй свой ум, будь предан мне, жертвуй мне, поклоняйся мне" (IX, 34). "Погрузи свой ум в меня, будь предан мне, жертвуй мне" (XVIII, 65). И только тем, "которые поклоняются мне одному, не думая о другом, которые всегда уравновешены, тем я дарую

полную безопасность (IX, 22). "Он, Высочайший Дух, о Партха, достигается непоколебимой преданностью ему одному" (VIII, 22).

Таков путь Любви к Богу (Бхакти Марга) и соответствующей йогой на этом пути является йога Отречения. Это — бескорыстная и совершенная преданность Богу как единому средоточию любви и служения, с единым мотивом деятельности — надеждой соединиться с Господом. В сердце такого человека неизбежно зарождается Мудрость. "Этим всегда уравновешенным и любовно поклоняющимся я дарую йогу Распознавания, посредством которой они достигают Меня" (X, 10). И в IV Беседе ст. 39: "Исполненный веры обретает Мудрость".

Вполне естественно, что Мудрость является там, где есть совершенная преданность, ибо что служит к затемнению Мудрости? Желание. Охваченный желаниями человек не видит ясно, он смущен, благодаря тому, что окружающее то привлекает, то отталкивает его. Его мысли окрашены желанием, он на все смотрит через атмосферу, которой желание окружило его. Он воображает, что это — хорошо, потому что он желает именно этого, и воображает, что то — дурно, потому что оно отталкивает его. И только тогда, когда всё это окрашивание, производимое желанием, уничтожено, тогда только белый свет Мудрости загорается в сознании человека, чистый и неискаженный.

К тому, кто предан в совершенстве и до конца, Мудрость не замедлит явиться, а также и праведная деятельность, ибо не может у него быть иной воли, кроме воли Господа, которого он любит. Он соединяет себя с объектом своей любви: всё, что он делает, делается не им самим, а Господом через него, и он становится проводником, через который сила Господа изливается на мир деятельности, сердце его полно им одним, и через это сердце, всегда открытое перед Господом, изливаются потоки благословения на мир человеческий.

Для такого подвижника всё остальное становится безразличным, ему уже не приходится думать о том, что люди называют обязанностями. "Оставив все обязанности, ищи лишь у Меня убежища. Не скорби, я освобожу тебя от всех прегрешений" (XVIII, 66). "Тот, чей разум не привязан ни к чему, чьё Я покорено, и умерло для желаний, тот идет путем Отречения к высшему совершенству свободы от всякого обязательства" (XVIII, 49).

Вот что обещается истинно преданному. Он "оставляет все обязанности", ибо через его сердце, очищенное от всякого желания, Господь совершает все действия, и ему нечего заботиться о совершении долга. Таков человек, в котором загорелась истинная преданность. "Тот, от кого мир не отвращается и кто не отвращается от мира... кто чист, знающ, бесстрастен, свободен от тревоги... одинаково встречающий похвалы и упреки, молчаливый, вполне довольный всем, что случается..." (XII, 15, 16, 19). О человеке, который неизменен в радости и скорби, который не имеет желания и отвращения, который смотрит на всё изменчивое, сам оставаясь неизменным, о таком человеке написано: "Он наиболее совершенный в йоге" (XII, 2). "Он, преданный ученик Мой, дорог мне" (XII, 14).

Лекция IV

ПУТЬ РАСПОЗНАВАНИЯ И ЖЕРТВЫ

На пути Бхакти, на пути любви к Богу, желание преходящих предметов переходит постепенно в желание вечного, в стремление к Богу, и это ведет человека к осуществлению Йоги.

В этой главе будут рассмотрены два другие вида Йоги — йога Распознавания, связанная с аспектом знания (Джнянам), и йога Жертвы, связанная с аспектом деятельности (крия) человека.

Первый аспект, аспект знания, представляет собой большую опасность для стремящегося к Мудрости, и опасность эта коренится в его чувствах. Ибо для него, более чем для кого бы то ни было, чувства являются тормозом, между тем как те же самые чувства были для него средствами познания. Вот почему должен он стремиться к полному господству над своими чувствами прежде, чем даже что-либо похожее на истинную йогу станет доступным для него.

Вот почему Шри Кришна говорит, обращаясь к человеку, стремящемуся к Мудрости: "О сын Кунти, возбужденные чувства неудержимо увлекают разум даже мудрого человека, хотя бы он не переставал бороться. Укротив все чувства, он должен сесть уравновешенный, поставив себе высшей целью Меня, ибо понимание того установлено, кто владеет чувствами своими" (II, 60, 61). А чтобы показать, что не только чувства вообще, но и каждое отдельное чувство есть источник опасности, Господь Йоги говорит: "То из налетающих чувств, которому поддается разум, уносит разумение подобно буре, гонящей корабль по морским волнам. Поэтому, о мощно вооруженный, у того, кто совершенно отвлек свои чувства от предметов чувств, понимание у того вполне устойчиво" (II, 67, 68).

Начинается йога Распознавания с той первой ноты, которая дается в диалогах Бхагавад-Гиты. "Ты скорбишь о тех, о которых не следует скорбеть, хотя и говоришь слова Мудрости" (II, 11). По поводу этих слов: "Ты скорбишь о тех, о которых не следует скорбеть", в Гита Карадиньяса, которая представляет собой введение к упражнениям йоги, сказано, что слова эти являются исходной точкой (биджам) всей Гиты. Слово "биджам" можно перевести и как семя. Биджам есть звук, слово или изречение, произносимое в начале мантры с целью произвести желаемое действие. Оно изменяется для различных индивидуальностей, и особые звуки, которые даются как мантрабиджам, придают мантре её особую, отличительную силу, так что общая мантра становится особенной, благодаря прибавлению к ней определенного биджам (семя). В таком биджам заключается вся суть мантры. Плод мантры вырастает для индивидуума из этих основных звуков, которые предшествуют повторению мантры. Слова "Ты скорбишь о тех, о которых не следует скорбеть" и являются таким основным звуком биджам для мантры Гиты. Они являются её сутью, они раскрывают её цель, они придают ей её особое значение. Вся Гита заключена в них, как растение в семени. Они же служат и вступлением к учению о Йоге Распознавания.

"Ты говоришь слова Мудрости", говорит учитель, ибо рассуждения Арджуны отличаются чрезвычайной разумностью, как это упоминалось в 1-й главе. Его нежелание убивать своих родственников было вполне естественно. Его чувство, что никакое царство не стоит цены человеческой крови, было похвальное чувство. Его отвращение от пролития крови показывало лишь его вдумчивость и

сострадание. И всё же учитель сказал: "Ты скорбишь о тех, о которых не следует скорбеть". Почему это? "Мудрые не оплакивают ни живых, ни мертвых". Но почему же мудрые не оплакивают?

Ответ на это дается на пути истинного познания (джнани), он заключается в учении, которое рассыпано во всех Беседах Господа Мудрости. Он начинается, как помните, удивительными стихами, которые вкратце выясняют причину, почему не следует скорбеть, причину, которая выясняется в течение всего учения Мудрости. О мертвых не следует скорбеть потому, что в действительности нет никакой смерти. Реальное не перестает быть, и то, что может потерять бытие, в сущности не имело его никогда (II, 16). "Пребывающий в теле каждого всегда неуязвим" (II, 30). Оружие не рассекает его, и никакой вред не коснется его (II, 23-25). "Он не рождается и не умирает... Нерожденный, постоянный, древний и вечный" (II, 20), зная его таким, "ты не должен скорбеть" (II, 30).

В этом — первое указание, даваемое великим учением, которое следует затем, ясное, определенное и точное, чтобы Арджуна понял природу мира и природу человека, живущего в этом мире, ибо, познав его, проникнув в неё, утвердившись в Мудрости, он уже не будет скорбеть, как скорбит неведающий и неразумный. Он утвердится в Едином Я, и все сомнения его улетят прочь.

Посмотрим же, в чем состоит эта йога Распознавания, это глубокое учение Мудрости, которое должно поднять своего ученика над всеми скорбями мира.

Прежде всего это учение о природе мира, о природе Владыки мира и о различных частях его природы, которую мы различаем здесь, как высшую и низшую, как Верховного Господа и его проявленный мир.

Учение это предназначается прежде всего для тех, которых Арджуна упоминает в своем вопросе, говоря о наиболее подвинутых в йоге: "Те ли это, которые, всегда уравновешенные, поклоняются тебе, или те, которые поклоняются Непроявленному, Неразрушимому." (XII, 1). На что Господь отвечает: "Те, которые устремив свой ум на меня, всегда гармоничные, исполненные верховной веры, поклоняются мне, те в моих глазах наиболее совершенны в йоге. Те, которые поклоняются Неразрушимому, Неизреченному, Непроявленному, Вездесущему, Неисповедимому, Неизменному, Незыблемому и Вечному, победившие чувства свои, с равным спокойствием относящиеся ко всему, радующиеся благу всех, те также приходят ко мне. Но труднее достижение для тех, чьи мысли устремлены на Непроявленного, ибо трудно воплощенному достигнуть пути Непроявленного" (XII, 2-5).

А в другом месте, при перечислении четырех видов праведников, "поклоняющихся мне" (VII, 16), мы находим указание на тех, которые по природе своей расположены вступать на этот труднейший из путей. "Их всех, говорит Господь Мудрости, превосходит уравновешенный и беззаветно преданный мне мудрец. Воистину, Я дорог превыше всего для Мудрого и он дорог мне. Все они благородны, но Мудрого я признаю подобным себе" (VII, 17, 18).

Соединяя эти два места, в одном из которых говорится, что те, которые исполнены веры, "наиболее совершенны в йоге", а в другом — что превосходит всех Мудрый, которого "Я признаю подобным себе", нужно признать, что, читая эти два места, трудно понять, который же из двух совершеннее.

Ответ на это недоумение прост: тот путь наилучший для человека, который наиболее отвечает его натуре. Для человека, подобного Арджуне, полного чувства и страсти, самым лучшим будет путь Любви, но для того, кто по природе более склонен к мудрости, наилучшим будет путь Знания. Совершенно так же, как с любовью поклоняющийся достигнет соединения со своим Господом, так и мудрый, которого он признает "подобным себе", приблизится к нему через полноту знания, ибо Господь есть и Мудрость, и Любовь, и Действие, и каждое из них наиболее пригодно в своём месте, каждое представляет наиболее совершенный путь для одного из трех темпераментов. Каждый из путей — наилучший для того, кто по природе своей склонен к нему, "Ибо путь, по которому люди идут со всех сторон, есть Мой путь, о Партва!"

А теперь послушаем, как Господь учит пути Мудрости, как выясняется, что знание есть основа праведного поведения.

Прежде всего он разъясняет свой собственный состав и говорит нам, что состав этот троичный — Божественный Дух, облеченный в Дух и Материю, Единое Я, одетое в Природу, которая двойственна. Учение об этом троичном составе повторяется во многих местах, и все эти отрывки прибавляют нечто к нашему знанию, если их связать вместе. Извлекаю их из различных частей Гиты, чтобы соединить в одно связное и понятное целое. Его низшая природа, Апара Пракрити, есть "земля, вода, огонь, воздух, эфир и рассудок, также и самость — это есть семеричное разделение моей природы, природы низшей" (VII, 4, 5), Апара Пракрити. Нужно овладеть этой идеей вполне: низшая природа Господа содержит в себе все проявленное, всю видимую феноменальную природу. Вся она — часть его. Все проявления физической Вселенной, все проявления сверхфизической Вселенной, все видимости, которые на каждом плане природы образуют собой существа этого плана, его внешние объекты, — всё это соединяется в одно великое обобщение: "Всё это — его низшая Природа".

И нужно всегда помнить, что хотя всё это и низшая природа, но всё же она — часть Господа. И поэтому нельзя её отделить как самостоятельную. Нельзя её отделить от него как враждебную или противоположную. Она — часть его природы, и "знание моей преходящей природы" (VIII, 4) есть Адхихута, наука об элементах, которые входят в состав форм.

Другая черта, снова и снова повторяющаяся в Гите по отношению к этой низшей природе, есть слово "проявленное". Где бы ни говорилось о проявленном, везде мы имеем дело с низшей природой Господа, с Апара Пракрити. Но, прежде чем идти дальше, посмотрим, что представляет из себя второе подразделение его природы, Апара Пракрити, иногда называемая Дайвапракрити, которую он описывает в пятом стихе VII Беседы: "Познай мою иную природу, высшую, которая есть элемент жизни, о мощно вооруженный, посредством которой держится Вселенная" (VII, 5). Эта Пара Пракрити, эта высшая природа, этот

жизненный элемент, Дживабхута Пуруша философии Санкхья, противопоставляется другим элементам. Знание этой высшей природы Господа, этой жизнедающей энергии, этой жизненной стороны природы, есть Адхидайва, познание Светозарных, которые являются жизнепроводниками, проводниками его жизни; называемыми современной наукой энергиями природы.

Таким образом, перед нами две великие науки, которые необходимо изучить на пути Познания: одна, относящаяся к его "преходящей природе", а другая — к его "жизнедающей энергии". Первая — проявленная, вторая называется непроявленной. Но здесь речь идет о низшей непроявленной природе: "Воистину превыше этого Непроявленного есть другое Непроявленное, которое остается в то время, как все сущее разрушается" (VII, 20). И ещё: "Высочайшая же Сила (Пурушоттама) есть воистину Другая, объявленная как Верховная, как тот непреходящий Господь, который, проникая собою всё, поддерживает три мира" (XV, 17). Эта разница представляет собою величайшее значение, ибо кто потеряет её из виду, тому всё учение покажется неясным. Поистине эта его низшая непроявленная природа проникает всё сущее и поддерживает Вселенную. "Мною, в моём непроявленном виде, проникнут весь этот мир" (IX, 4). Это то, что скрыто за покровом материи, но это всё же низшая, а не высшая сторона его природы.

И далее мы снова имеем его заявление, что "в этом мире живут две силы — разрушимая и неразрушимая. Разрушимая живет во всех существах, неизменная — называется неразрушимой" (XV, 16). Здесь мы снова имеем два многозначные слова, которые мы должны сохранять в уме: низшая, разрушимая, проявленная, то, что мы зовем феноменальное, а с другой стороны — высшая, неразрушимая, непроявленная, то, что мы называем жизнью, проникающей всю природу. В другом месте о них же говорится как о "Материи и Духе": Материя — низшая, Дух — высшая, но "познай также, что Дух и Материя одинаково не имеют начала" (XIII, 19), ибо оба составляют природу Господа, оба образуют высшее и низшее подразделение его природы, и поэтому они разделяют бесконечность и безначальность Господа. То и другое должно быть рассматриваемо как "не имеющее начала и конца".

Они-то и составляют то, что мы называем "Природой". Обе вместе, обе "энергии" (XV, 16), совместно составляют Природу, и они являют собой постоянное вращение колеса жизни: проявленное низшее переходит в непроявленное высшее, а высшее непроявленное выссылает снова низшее проявленное при начале новой кальпы, нового мирового периода. В начале этого периода появляется проявленное. В конце проявленное исчезает в непроявленном. "В конце мирового проявления, о Каунтея, все существа поглощаются моей низшей Природой. При начале новой кальпы я снова произвожу их. Скрытый в природе, которая произошла от меня же, её силой я снова и снова произвожу это множество существ, бессильных и беспомощных" (IX, 7,8).

Здесь следует остановиться, ибо слова эти — если вы не будете иметь в виду тех стихов Гиты, которые служат к объяснению их — могут смутить вас. Заметьте выражение: "поглощаются моей низшей непроявленной природой". Я думаю, вы без колебания скажете, что "низшая природа" должна здесь означать "жизнедающую энергию", Пара Пракрити. Но когда Господь противопоставляет

себя природе, тогда оба подразделения, называвшиеся до тех пор "низшая" и "высшая" по отношению друг к другу, оба становятся низшими по отношению к нему. Это выражено ещё яснее в другом стихе, который я сейчас приведу, чтобы устранить возможное недоразумение. Шри Кришна уже дал это объяснение, прежде чем высказал приведённые слова, ибо вот что им сказано в предшествующей беседе: "Из Непроявленного вытекает всё проявленное при зачатии Дня; при наступлении Ночи оно растворяется в Непроявленном, имя которому То. Это множество существ, снова и снова появляющихся, исчезают при наступлении Ночи; с наступлением Дня они по высшему повелению являются вновь, о Партха! Воистину поэтому превыше этого Непроявленного (Дух, Пуруша) есть другое Непроявленное (То, Пурушоттама), которое при разрушении всего сущего не разрушается. Это непроявленное именуется Неразрушимым. Оно называется Высочайшим Путём. Достижение его более не возвращаются" (VIII, 18-21). А затем, в XV Беседе, после слов: "В этом мире живут две силы: разрушимая и неразрушимая. Разрушимая живет во всех существах, неизменная называется неразрушимой", мы читаем: "Высочайшая же Сила есть воистину Другая, объявленная как Верховное Я, тот непреходящий Господь, который, проникая собою всё, поддерживает три мира. Потому что Я выше разрушимого и превыше даже неразрушимого, Я признан в мире и в Веде Высочайшим Духом" (XV, 16-18).

И снова Он говорит: "Под моим началом природа высылает движущееся и неподвижное. Вот отчего, о Каунтея, вращается Вселенная" (IX, 10). И далее: "Обозревающий и Разрушающий, Поддерживающий и Наслаждающийся, великий Владыка, а также Высочайшее Я, так именуется в этом теле Высочайший Дух" (XIII, 22). Ещё одно объяснение дается в XIII Беседе, которая касается Поля и Познающего Поле. Поле есть природа, и, когда описывается Поле, мы видим, что в него входят оба начала, и Материя и Дух, ибо оба они составляют Поле, а познающий Поле есть Господь. Поле описывается так:

"Великие элементы, индивидуальность, разум, а также непроявленное", то, которое поглощает в конце мирового периода всё проявленное и из которого оно снова исходит в начале нового периода, — "десять чувств и одно и пять пастбищ чувств: желание, отвращение, наслаждение, страдание, тело, ум, устойчивость — всё это, вкратце упоминаемое, являет собою Поле и его изменения" (XIII, 5, 6).

Поле есть Природа, а высшее и низшее есть Тело Господа. И Он, Великий Владыка, Верховное Я, в этом теле Вселенной именуется Верховным Духом (XIII, 22). Он есть Познающий, но не познаваемый, Он, и только он один, есть Объект Мудрости. И про этого Верховного Духа написано, что Он навсегда остается непроявленным: "Лишенные Мудрости представляют себе меня, непроявленного, как имеющего проявление, не ведая моей высшей природы, непреходящей, исполненной превосходства" (VII, 24).

Следуя за этой мыслью и соединяя все указанные места в одно целое, мы придем к ясной определенной идее великой Троичности. Тот, кто именуется "Другим Непроявленным", Тот, который именуется "Обозревающим", Тот, который называется "Верховным Я", "Верховным Духом", Пурушотаттама, управляет всем, облеченный в двойственную природу, состоящую из Материи и Духа, Пракрити и Пуруша: они, взятые вместе, составляют природу, а Владыка природы больше, чем

природа. Материя и дух составляют колесо жизни, но Господь пребывает над колесом, не подвергаясь перемене. Игра Материи и Духа, Апара и Пара Пракрити продолжается, повторяются постоянные перемены, благодаря появлению одного из другого и новому поглощению в это другое. Позади них пребывает неизменный Господь, и оба, Материя и Дух, представляют в совокупности его Майю, сквозь которую заблуждающиеся не способны проникнуть, которая ослепляет невежественных и не видно им Господа, пребывающего за ней. "Скрытый в моей творческой иллюзии (йога-майя), не всеми познаюсь Я. Заблуждающийся мир не знает Меня, нерожденного, вечного. Благодаря иллюзии двойственности, возникшей от притяжения и отталкивания, все сущее странствует по Вселенной в полном заблуждении, о Парантапа!" (VII, 25, 27).

Попробуйте представить себе эту первую "пару противоположностей", Материю и Дух, как покров, за которым пребывает сам Господь. Попробуйте мыслить Его, неизменного, всегда пребывающим позади этой пары, обуревающим и господствующим над природой, Владыкой Майи этой вселенной, которая лишь покров, брошенный на его неизречённую славу, за которым Он, Нерушимый, Неизменный, Вечный и верховный, пребывает вовек. Вот что выясняется нам учением Бхагавад-Гиты об отношении Господа к его вселенной. "Учредив всю эту вселенную из частицы себя, Я остаюсь" (X, 42).

Прежде чем пойти дальше, попробуем остановиться и спросить себя: каким образом может это учение помочь нас в осуществлении Единства? Ведь мы здесь находимся перед лицом троичности, а не единства. Мы имеем Верховного Владыку и его непроявленную и проявленную природу. Как может это научить нас не скорбеть о живых и о мёртвых? Как может это подействовать на нашу собственную природу, в которой мы должны видеть и Материю и Дух, а нам между тем говорят, что то и другое является и исчезает?

Ибо Пурушотаттва, верховный Дух, есть поистине Другой, Высочайший, Предвечный, и он-то и есть сокровеннейшее Я человека. Воображали вы себя лишь частицами природы? Думали вы, что в вас только эта двойственная природа Вселенной, высшая и низшая? Представляли вы себе, что в вас — лишь одна проявленная сторона, а не сама суть Господа? Нет, сам Господь пребывает внутри вас, как и внутри Вселенной, Нерушимый и Верховный Дух. Вы являетесь не только его высшей и низшей природой (Пара и Апара Пракрити). Это не более как ваши тела, так же, как и его тело, а вы сами — частица Его самого, воистину "Частица Меня Самого, ставшая в мире жизни бессмертным Духом" (XV, 7) — вот кто вы. И поэтому Он не может быть далеко от вас. Непроявленным Он может быть по отношению к нашей двойственной природе, но Он не может быть непроявленным для Себя Самого. Думать так, думать, что Он может быть скрыт от нас, которые составляют Его Самого, этот есть тончайшая из всех Майй, это есть величайшая из всех иллюзий. Он есть наша сокровеннейшая Суть, истинная сердцевина нашего существа. Если есть что-либо, что человек может познать, то это, конечно, его собственная сокровенная суть, то, что одинаково пребывает за Духом и Материей, что есть он сам. Только это одно и может знать человек.

Поэтому истинная Мудрость и видит "Высочайшего Господа, равно пребывающего во всех существах", и "кто так видит, тот видит воистину" (XIII, 27). Он — в сердце каждого из нас.

Внезапно, одним великим просветлением, мы чувствуем себя поднятыми над природой, соединенными с Высочайшим, который есть Господь природы. Мы разделяем его сокровенную природу. Он есть наше сокровенное Я. Какой же может быть после этого страх, или скорбь, или заблуждение для того, кто познал это Единство?

Узнать Познающего и узнать, что это Познающий — мы сами, вот великий урок мудрости, преподаваемый нам Гитой. Снова и снова повторяет Он, что Единый не может быть далеко от нас: "Вечное семя всего сущего" (VII, 10), — называет Он себя. "Я — жизнь всего сущего" (VII, 9), — говорит он про себя. Не может быть ни колебания, ни сомнения, ни умаления перед этой высочайшей истиной. Он, один Он составляет жизнь внутри всего сущего. И если люди ненавидят друг друга, они "ненавидят Меня в чужих телах и в своём собственном теле" (XVI, 18). Если люди терзают тела, они терзают и "Меня, пребывающего в основе всего сущего" (XVII, 6). Светлая истина выражена так ясно, что невозможно никакое сомнение.

И всё же Он всегда скрыт от глаз, не могущих проникнуть сквозь покров Природы. Он заявляет: "Скрытый в Моей творческой иллюзии", в Моей йогемайе, "не всеми познаюсь Я" (VII, 25). Как же возможно для нас видеть Единое во всём разнообразии форм?. Откуда они, эти бесконечные соединения и сочетания, скрывающие единство основного Я? Они все исходят от гун, от трех свойств Материи, от низшей природы, которая, соединяясь в бесконечно разнообразные сочетания, приводит в заблуждение наблюдающего. Вот почему он объявляет: "Весь этот мир, введенный в заблуждение тремя названными свойствами, исходящими от трех гун, не знает Меня, Нетленного, стоящего над ними. Воистину трудно проникнуть через покров этой Божественной Майи, вызванной тремя свойствами природы, приближающиеся ко мне переступают эту иллюзию" (VII, 13, 14). Никто не избавлен от влияния этих свойств: "Нет ни единого существа на земле и даже на небе среди Светозарных, которое было бы свободно от этих трех свойств, рождённых Материей" (XVIII, 40). И всё же Мудрый должен "переступить эту иллюзию", чтобы достигнуть Господа и знать, что всё одинаково происходит от него: "Знай, что и гармоничные, и деятельные, и ленивые натуры, все от меня" (VII, 12).

Попробуйте же проанализировать эту иллюзию. Прежде всего мы находим первичную "пару противоположностей", притяжение и отталкивание, притяжение — от природы Духа, а отталкивание — от природы Материи.

Притяжение есть действие единой неразделимой и непроявленной жизни, скрытой во всех бесчисленных формах, и оно стремится к объединению. Материя, сама суть которой — множественность, постоянно стремится к разделению. Разнородное постоянно разделяется и подразделяется снова и снова, так что всё тоньше и сложнее становятся подразделения, пока не получится бесконечное разнообразие Вселенной, которое мы знаем. В этом бесконечном разнообразии отражается неразделимый Господь.

Благодаря наклонности Материи к подразделениям и взаимному ограничению, получается неизбежно и бесконечное разнообразие. И это необходимо, ибо, иначе, как могло бы отражаться в ней бесконечное? Все эти частицы постоянно разделяющейся материи не могли бы отражать в себе целое. Бесконечная красота должна отражаться в бесконечности прекрасных предметов. Море, небо, поля, горы, пустыни, леса и города — всё это всем разнообразием своих элементов отражает лучи единого солнца, красоты, и в их множественности, в их совокупности и заключается совершенство, ибо только таким образом они и могут отражать то Единое, из которого они исходят.

И так со всем остальным: только в совокупности всего делимого можно увидеть отраженным Неделимое, Единое. Зная эту наклонность Материи к бесконечному подразделению, нетрудно понять, почему она противится освобождению Духа, который стремится к Единству. Понятно становится, почему в этой первой "паре противоположностей" Материя становится на известных ступенях человеческой эволюции как бы врагом Духа, его противником. До тех пор, пока Дух выступает совместно с материей и материя бесконечно разделяется, предоставляя себя творческим силам духа, до тех пор Материя хороша, она ведет себя как друг. Отталкивающий элемент, который составляет саму суть Материи и благодаря которому достигаются необходимые подразделения, нужен для раскрытия Духа, и потому он хорош.

Но когда приходит время осуществления Единства, когда Вселенная уже прошла половину своего пути и вступила на вторую половину, когда всё должно вернуться к Единству, тогда наклонность к раздельности становится враждебной для дальнейшей эволюции, тогда раздробляющие силы становятся противодействующими, и то, что было до сих пор благом, становится злом. Всё, ведущее к разъединению, делается злом потому, что время раздельности закончилось и наступило время приведения всего к Единству.

Таким образом, в поступательном движении эволюции происходит перемена, и из первичной "пары противоположностей", Материи и Духа, которые сами по себе, как исходящие из Господа, одинаково хороши, сила отталкивающая становится неуместной, ибо она в изменившемся течении эволюции идёт против Божественной Воли.

Из этой основной пары противоположностей вытекают два потока эмоций, один — любви, направленной к объединению, а другой — ненависти, направленной к разъединению. Это и есть "пара противоположностей, возникшая от притяжения и отталкивания" (VII, 27), та коренная пара, из которой возникают все остальные.

Эта идея дает нам верную основу для этики, она даёт нам понимание того, что праведно и что греховно, она даёт нам ключ к определению — когда и почему добро есть добро, а зло есть зло.

Это учение развивается в шестнадцатой Беседе Гиты, которая из этой первичной пары противоположностей выводит два ряда нравственных качеств, один — называемый божественным, ибо он исходит из света Логоса (Дайвапракрити), а

другой — демоническим, ибо он истекает из материальной стороны природы, элементов Материи.

По существу между ними не должно бы быть столкновения, ибо оба они составляют тело Единого. Но со временем, когда человечество должно подниматься к сознательному Единству, божественные и демонически свойства приходят к неизбежному столкновению. Всё, что ведёт к разделению, всё, что идёт от ненависти принимает аспект зла для развивающегося человека. Он должен победить это зло, должен противопоставить ему добро, должен оставить его позади, и потому необходимо для него отождествлять себя с Божественным и бороться против инстинкта раздельности, который исходит из прошлого.

Такова великая йога Мудрости, вырастающая и истинного понимания природы Поля, природы Познающего Поле и их взаимного отношения друг другу (XIII, 2). Поэтому и сказано, что Мудрый поклоняется "Единому и Многообразному, присутствующему всюду" (IX, 15), ибо он знает, что Многообразный есть тот же Единый в проявлении. Для того, кто овладел этой Мудростью, освобождение уже близко: "Снова объявляю я тебе ту высочайшую Мудрость, наилучшую из всех. Познав её, все мудрецы направлялись к высшему совершенству" (XIV, 1). Об этом сказано: "Лучше всяких внешних жертв — жертва мудрости, о Парантапа! Все действия в своей целостности достигают своего высшего совершенства в Мудрости" (IV, 33). Такая Мудрость сжигает все действия "подобно огню, превращающему топливо в пепел" (IV, 37). Она — верховный очиститель: "Воистину в мире нет лучшего горнила, чем Мудрость" (IV, 38).

Теперь становится ясно, почему Мудрый не скорбит. Зачем ему скорбеть при виде этой игры Майи, этой изменчивости природы, раз он убеждён в своем единстве с неизменной Сутью Вселенной? Вот почему слова: "Мудрый не оплакивает ни живых, ни мёртвых". Также становится ясным и то, почему мудрые смотрят одинаково на всех: "И на брамина, украшенного ученостью и смиреньем, на слона, на корову, собаку и даже на того, кто ест собаку" (V, 18). Мудрые смотрят одинаково на всё, не видя разницы ни в чём, потому что они видят Единое Я пребывающим во всём, и только видящие так — могут быть названы Мудрыми. Всех остальных вводит в заблуждение видимость; все они — во власти Майи. Человек, переступивший за предел Майи, достиг "высочайшего состояния Мудрости" (XVIII, 50), и "достигнув Брахмана, успокоившись в Едином Я, он не скорбит и не желает, одинаковый ко всем существам, он исполняется высочайшей преданности ко мне. Преданностью он познаёт меня в моей сути, кто Я и что Я. Познав меня таким образом в самой сути моей, он затем вступает в Высочайшее То" (XVIII, 54, 55). В нём "Мудрость, сияя подобно солнцу, раскрывает Высочайшего... Мудростью рассеяв свои грехи, он идёт туда, откуда нет возврата (V, 16, 17).

Кроме йоги любви и йоги распознавания, которые мы только что разбирали, существует ещё и третья форма йоги. Это — Карма Йога, йога Действия. Но какого действия? Только такого, которое имеет смысл жертвы, и потому этот вид йоги вернее всего назвать йогой Жертвы.

Эта предварительная йога действия, или жертвы, иногда называется просто йогой, без всякого определения, и это по той причине, которая выяснилась в предыдущей лекции, когда мы говорили о деятельности и о совершенном йоге. В Беседе третьей говорится о "двояком пути", о "единении через познание и единение через действие" (III, 3). Если взять путь йоги через действие, то нужно прибавить, что он представляет собой большие трудности, и самая главная из них это — понимание самого действия.

"Что есть действие и что бездействие?" Даже мудрые этим смущаются. И потому я объясню тебе действие, познав которое, ты освободишься от зла. Необходимо различать действие, различать незаконное действие и бездействие. Таинствен путь действия. Тот, кто видит бездействие в действии и действие в бездействии, тот — мудрый среди людей, тот гармоничен, даже когда совершает действия" (IV, 16-18).

В этом — первое из тех затруднений, что будут окружать йогой, идущего путём действия. Он должен узнать, что следует делать и чего не следует. Он должен различать праведное действие от неправедного. И первое, что он должен внедрить в себя, это: "Взирай лишь на дело, а не на плоды его" (II, 47). Плоды принадлежат Господу, правящему миром, если действие совершается как жертва, ибо жертва не принадлежит человеку — его дело только принести её, — а плоды жертвы принимаются и расходуются Высшими Силами. Поняв, что он имеет дело только с действием, человек должен "непрестанно без привязанности совершать должные действия" (III, 19). Но что такое "должные действия", что такое долг?

Вот вопросы, на которые мы должны ответить, если хотим в безопасности идти по пути деятельности, не выковыывая новых цепей своими действиями и не стремясь бессознательно к их плодам.

Господь говорит нам совершенно определенно, что есть должное или праведное действие. Это — "действие в гармонии со мной" (III, 26). Вы должны научиться различать Божественную волю в эволюции, прежде чем ваши действия станут праведными. Не переставайте искать всё большего проникновения в его волю, но начните с тех обязанностей, которые поставлены перед вами на жизненном пути вашей кармой, индивидуальной, семейной, общественной и национальной. Исполняйте их как можно совершеннее, ибо они возложены на вас самим Господом. Истинный деятель не станет бросаться в поиски за делом. Он берёт то дело, которое естественным образом становится перед ним, и стремится исполнить его как можно совершеннее. В этом усилии понять стоящую перед ним задачу человек приобретает Мудрость. В усилии различить праведное действие от неправедного, свой долг от долга другого человека, выполнение которого часто представляет опасность для деятеля — "чужая дхарма полна опасности" (III, 35), — в этом усилии развиваются его способности. Само усилие в этом направлении поднимет деятеля на высоту ясного видения, укрепит его сознание и направит к Мудрости.

Другое правило состоит в том, чтобы из всех полезных деятельностей, стоящих на пути человека, он выбрал ту деятельность, которая соответствует его способностям. Истинный деятель должен измерить свои силы и делать не мало и не слишком много. Предположим, что на нашем пути возникает ряд

деятельностей, которые соответствуют вашим способностям, а между тем количество их превышает вашу работоспособность. Все они как бы имеют право на вас, все могут казаться долгом, но если у вас нет ни сил, ни времени для выполнения их — что тогда? Тогда граница, налагаемая на вас временем и размерами ваших сил, выяснит для вас и сферу вашего долга. Ровно столько, сколько вы способны сделать хорошо в размере вашего времени и ваших способностей, и будет вашим долгом. Но если, пробуя сделать более того, что вы можете сделать хорошо, вы схватитесь за множество задач, закончить которые у вас не хватит времени, в таком случае вы будете не правы, ибо то, что мы не в состоянии закончить за недостатком времени, не есть наш "долг", это — долг другого, а мы уже знаем, что "чужой долг полон опасности" (III, 35).

Но вы можете сказать: "Дела так много, на мои силы и на моё время такой большой спрос, так много задач, которые нужно сделать..." Это верно. Но ведь не вы одни можете действовать. Вы — не единственная сила, от которой зависит всё благо мира, и не ко всему на свете должна быть приложена ваша собственная рука. Это — ошибка, в которую впадают многие из нас и которой следует избегать, если хочешь идти по пути действия. То, на что у нас нет достаточно времени, не может быть нашим долгом, и если мы — тем не менее — совершаем и это, мы тем самым вводим другого человека, который должен бы выполнить взятую нами на себя задачу, в грех бездействия.

Результатом такого недостатка понимания является всегда ненормальный порядок вещей, при котором один находится в вечном напряжении, перегруженный делом, половину которого он не имеет времени докончить, а другой — тут же лениво бездействует, остаётся с пустыми руками только потому, что другой жадно выхватывает всё дело для себя одного.

Это не есть то действие, которое предъявляется нам как "долг", ибо время от Господа, как и всё остальное. Следовательно, и те ограничения, которые ставятся нам временем, воздвигнуты для каждого из нас самим Господом. Если у вас нет времени сделать какое-нибудь дело хорошо и до конца, будьте уверены, что Господь найдет для себя других деятелей, другие руки, ибо сказано: "Всюду имея руки и ноги, глаза, головы и уста, всеведущее То пребывает в мире, объемля всё..." (XIII, 13). В этом заключается великий урок для деятельной индивидуальности, ибо она часто бывает причиной бездействия для других, лени, нерадения, небрежности и всех тех свойств, которые мешают людям подвигаться вперед. Чрезмерная деятельность не есть истинный путь действия, это есть мирской путь. Урок этот, нужно признаться, нелегкий для человека деятельного, ибо в числе его свойств находится и способность к труду. Эта способность и заставляет его часто забывать о размерах как времени, так и собственных сил. Мне слишком хорошо известна трудность урока по собственному опыту. Множество задач, окружающих меня, поднимают свои голоса и кричат: "Сделай меня, обрати на меня внимание!" Но их много больше, чем я могу сделать, и, когда я пробовала браться за всё, я не успевала, у меня было такое чувство, что я ничего не делаю вполне хорошо. И тогда я поняла, что Господь обойдётся отлично и без меня и что Он не может зависеть от одной определенной индивидуальности, в которой, в конце концов, действует всё же Он, а не я, и что у него много слуг, через которых он может действовать. Я поняла, что делать то, что можешь делать хорошо, а остальное

предоставить другим, и есть путь Мудрости в действии. И я всегда убеждалась, что, если приходилось оставлять недоделанным то, что за недостатком времени не являлось моим долгом, всегда находились другие, делавшие то же дело до конца, таким образом вся задача, во всей полноте, выполнялась лучше, чем когда одна личность стремится завладеть всем делом для себя одной.

Каким же образом усваивается этот урок деятельности человеком? Он усваивается, когда уясняется следующая истина: "Не я — совершающий".

"Обольщённое себялюбием Я думает: я есмь совершающий" (III, 27). Но это не так. Мудрый сказал: "Я не действую... даже взирая, слушая, ощущая, обоняя, принимая пищу, двигаясь, почивая, дыша, говоря, давая, хватая, открывая и закрывая глаза, я должен сознавать: чувства двигаются среди предметов чувств" (V, 8, 9).

"Я не действую". Вот что означает бездействие в действии. Подобно своему Господу, он пребывает над качествами, заставляя их работать. Он взирает, и когда он поймет, что "не он действующий", тогда все праведные действия начинают совершаться по его воле и всё двигается беспрепятственно к назначенной цели.

Великий урок для деятеля заключается в сознании: "Не я — совершающий". Это сознание должно сопровождать каждое действие. Есть только один совершающий, Верховный Господь, а действующий человек — лишь одна из его рук, являющаяся в человеческом мире для того, чтобы исполнить ту или иную определённую задачу. И в пределы этой задачи вовсе не входит забота о том, как будет выполнена вся имеющаяся в мире работа, а лишь одно — как выполнить возможно лучше ту определённую задачу, которая выпала на долю этой руки. И если вы в состоянии думать о себе только как о руке — руке, способной думать и находить лучшие пути для исполнения, в таком случае вы неизбежно потеряете жадность ко множеству встречаемых задач. Если человек хочет рисовать, ему вовсе не нужно держать в руках одновременно кисть, перо и карандаш, а может быть, и плуг, и молоток, и топор, которые нужны в другое время. Ему нужно иметь только одну кисть, когда он захочет рисовать, а когда он захочет пахать, тогда пусть возьмет в руки плуг, когда захочет писать — пусть возьмет перо, но всегда только одно орудие, нужное в данное время. Таков правильный приём, когда человек действует.

Делайте возможно совершеннее всё, что вы делаете, ибо ваша деятельность должна отражать совершенство Господа. Вот почему лучше сделать одну вещь в совершенстве, чем сделать их сто кое-как. Но чтобы достигнуть этого, необходимо не только потерять привязанность к плодам деятельности — "Без привязанности совершай должные действия, ибо воистину, свободно совершая действия, человек достигает Высочайшего" (III, 19), но и каждое своё действие совершать как жертву. "Мир скован деятельностью, если она совершается не ради жертвы; ради жертвы выполняй и ты свои действия, свободный от привязанности, о сын Кунти!" (III, 9).

Великий закон жертвы, поддерживающий Вселенную, должен найти свое воплощение в человеке действия. В IV Беседе Господь даёт пространное описание

различных видов жертвы, которые приносятся людьми. "Все они, — говорит Господь, — обладают совершенным знанием жертвы" (IV, 30), и все действия должны совершаться во имя жертвы.

Но в чём состоит закон? Он состоит в том, что для жизни одних существ должны быть пожертвованы жизни других, вследствие чего каждое существо, по мере достижения самопознания, должно быть готово уплатить свой долг, пожертвовав, в свою очередь, и свою собственную жизнь. И этот закон существует не только для одних людей. Он существует и для камней, и для растений, и животных. Камень разбивается, чтобы служить питанием для растения. Растение уничтожается, чтобы служить питанием для животного. Животное охотится за другим животным, и более сильное пожирает более слабого. Человек живёт за счёт другого человека, истребляя себе подобного физически, вначале ради пищи, а затем и ради иных целей. Закон Жертвы разлит во всей природе потому, что Создатель есть Господь Жертвы, и первая принесенная жертва есть Его пожертвование Собой. Он есть та творческая энергия (Пуруша), из которой произошла вся вселенная.

Самопознание должно постепенно раскрыть для человека Закон Жертвы. Человек по мере развития убеждается, что он живет жертвой других жизней, и он говорит себе: "Камни погибают для меня, чтобы питать растительное царство. Растения умирают для меня, чтобы поддержать моё тело. Животные отдают свою жизнь для меня и работают для моей пользы. Моё тело есть результат бесчисленных жертвоприношений, и оно может жить только благодаря постоянному пожертвованию других жизней. Бесчисленные жизни внесены в моё тело, оно является благодаря этому алтарем, на котором приносятся мириады жертв. Справедливость требует, чтобы я уплатил за все эти жертвы, пожертвовав собой и обернув таким образом колесо жизни. Я должен отдать себя для других. Я должен жить для других людей. Я должен жить для животного царства, для растительного и для минерального, эволюция которых с моей помощью может быть ускорена и облегчена. Так как я сам — результат жертвы, я также должен быть жертвой".

Вслед за тем, как человек начинает различать всё множество жизней, пожертвованных для него, он начинает заботиться, как бы уменьшить число этих жертв. И он начинает избирать для построения своего собственного тела из мириад жизней, отдающихся для поддержания его жизни, такие, которые менее других способны сознать, а более сознательные жизни он стремится воспитывать и дисциплинировать как для своей пользы, так и для их прогресса. Таким образом, развиваясь сам и стремясь развивать других, он делает Закон Жертвы законом своей жизни,

На пути Возврата он уплачивает долги, которые он заключил на пути Выступления. Потому всё, что он должен делать, все свои обязательства он стремится делать, как уплату долгов своих. Он приносит таким образом в жертву результат всех своих деятельности, который принадлежит вовсе не ему, а Господу, и благодаря этому он становится совершенным деятелем. Ибо только тот человек может действовать в совершенстве, который не заботится о плодах своей деятельности.

Это звучит странно в мире, где все подстрекаются к деятельности желанием пожать её плоды. И мы видим, что теряющие такое желание становятся ленивы, нерадивы и инертны. И между тем это возможно, когда у действующего лица появится новый мотив и когда он, думая только о своём Господе и о том, чтобы быть достойным проводником его воли, совершенно перестает заботиться о видимом успехе или видимой неудаче своей деятельности. Для него единственное успешное действие — творить волю его, и единственная несомненная неудача — идти против этой воли, которую он признал единственным законом своей жизни.

Какое ему дело до того, что мир называет успешным или неудавшимся достижением. И то и другое встречается на пути Долга. Для него должно стать безразличным — будет ли возводимое им здание защищать человека немедленно или же оно — только основание для какого-нибудь более великого здания, которое будет возведено впоследствии. Фундаменты для здания кладутся из разрушенного материала, оставшегося от других зданий. Даже и при физической постройке вам необходимо иметь известное количество разбитого кирпича и камня для возведения фундамента, и многие храмы будущего возведутся на фундаментах из материала, доставляемого ныне из кажущихся неудач тех работников, которые работают для Господа. И если это так, зачем горевать? Как можно считать неудачей то, что подготавливает материалы, нужные для Господа в будущем?

Истинный деятель знает, что окруженный Майей, он часто действует ошибочно, и то, что ему кажется необходимым, может и не входить в Божественный план. Зная это, он продолжает работать безропотно и без привязанности к плодам деятельности даже и тогда, когда возведённое им здание, казавшееся ему и прекрасным, и полезным, разбивается в куски на его глазах. Он не огорчается, не расстраивается, он мирится с разрушением своих трудов, раз это не то, что необходимо сейчас для строительства Господа.

Как может огорчать его, считающего себя рукою Господа, если развалины его постройки нужны для фундамента истинного Храма? Если металл, изготовленный им, оказался ненужным, он спокойно бросает его в плавильную печь, уверенный, что сгорит только шлак, а золото сохранится в целости.

И так он живёт и работает, и, работая таким образом без личного желания, он может действовать в совершенстве. Он в состоянии уловить малейший знак, идущий от Господа, когда личные желания не ослепляют его.

На таком пути действия, благодаря Йоге Жертвы, он может достигнуть освобождения. "Что бы ты ни делил, что бы ни ел, что бы ты ни приносил как дар, какой бы подвиг ни совершал ты, о Каунтея, все это совершай как приношение Мне. Так освободишься ты от оков действия, рождающего добрые и дурные плоды" (IX, 27, 28). Так ведет деятельность к освобождению и к совершенной Йоге, к соединению с Богом.

Единый Бог — объект поклонения; единый Бог — объект всей Мудрости; единый Бог — источник всякой деятельности. Единый Бог и, следовательно, единое человечество; единый Бог, единая Жизнь, единое Братство — вот вывод из всего, что раскрылось нам.

Мудрый будет содействовать своей мудростью, деятельный своей деятельностью, поклоняющийся в любви своей любовью, и все они сольются и оставят одно совершенное тело Бога.

Когда Вселенная исполнит своё назначение и настанет день отдыха, тогда слава Его Тела будет сиять в разнообразии всех темпераментов, всех деятельностей, всех мыслей и всех желаний, иначе говоря — всех клеток и всех тканей, из которых строится это Божественное Тело.

И мы увидим тогда, что из этой совершенной Вселенной, из этого тела света, восстанет Логос другой Вселенной, а мы, части Его Тела, будем работать с ним в этой новой Вселенной, и работать с большим совершенством, чем мы работали здесь.

Так развёртывается жизнь из века в век, из Вселенной во Вселенную, и где же — спрошу я снова — повод для скорби, куда исчезли все иллюзии, раз мы увидели Единство всего?

— ∞ —

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

